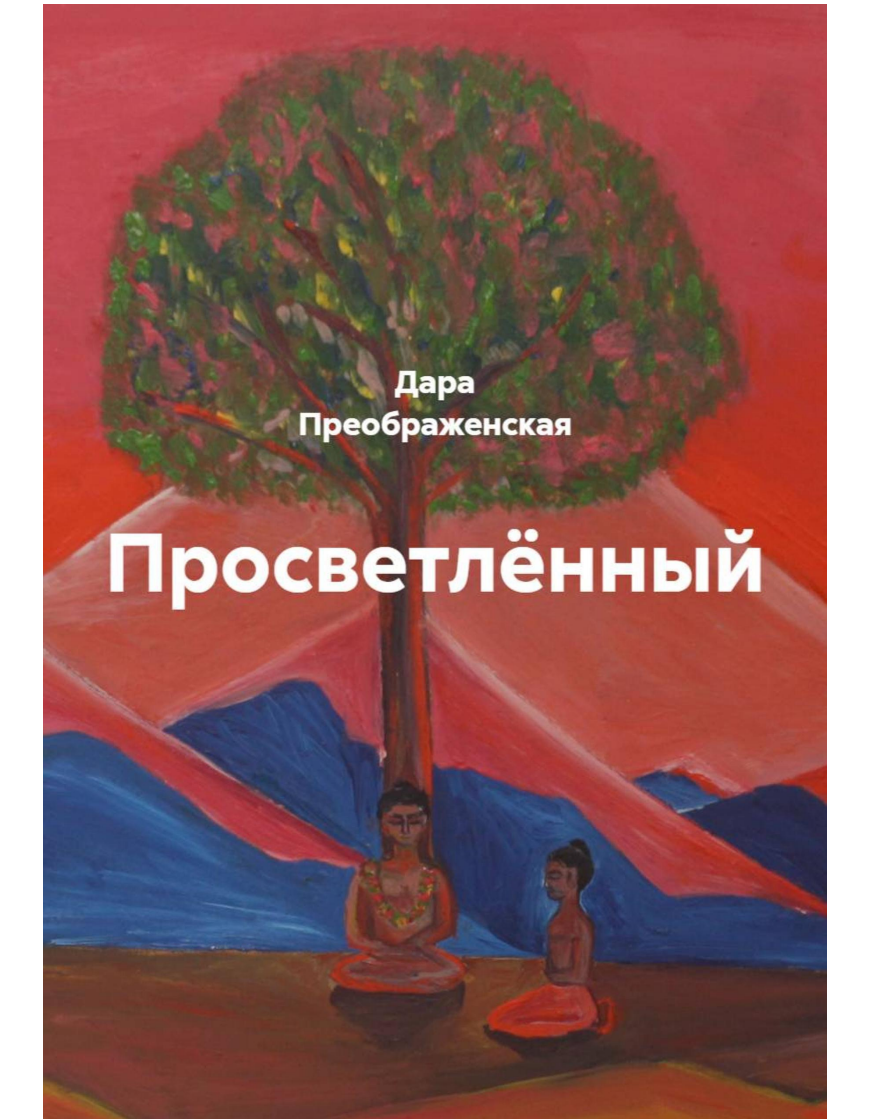

The background is a painting. It features a large, dark brown tree with a thick trunk and a dense, rounded canopy of green and brown leaves. The tree stands on a dark brown ground. In the foreground, two figures are seated in meditation. On the left, a Buddha figure with a serene expression, wearing a yellow and red floral garland, sits on a red circular mat. To the right, a person with dark skin and hair, wearing a red dhoti, sits on a red circular mat, facing the Buddha figure. The background consists of stylized, layered hills in shades of blue and red, set against a solid red sky. The overall style is expressive and spiritual.

Дара
Преображенская

Просветлённый

Дара Преображенская Просветлённый

<https://litres.ru/74665159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не считал себя учеником Будды. Более того, не понимал, к чему сидеть под деревом и ничего не делать, потому что вся его душа просила деятельности. Однако лично встретившись с Буддой, главный герой стал просветлённым и понял, что многие приближённые ученики по-разному интерпретируют это учение. «Стань тишиной, тогда ты поймёшь меня», - сказал Будда. Его просветление начинается, прежде всего, с «чувствования» Тишины, которую он ощутил каждой клеточкой своего тела. Прочитав книгу, читатель вместе с главным героем познакомится с Буддой, с его учением, не прибегая к сложным умозрительным трактатам.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Морские дьяволы	6
Глава 2. Лишения	34
Глава 3. Чужая Земля	66
Глава 4. Финикия	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дара Преображенная Просветлённый

Пролог

*«Твой путь не близок,
Но он есть,
Иди по нему, друг,
Ты сам выбрал его».*
(Будда)

.....«Когда тебя кто-то обидит, он вернётся к тебе, чтобы восстановить Гармонию. Когда ты обидишь кого-то, ты вернёшься к обиженному тобой, чтобы Гармония мира была восстановлена. Помни об этом, друг».

Так говорил великий Сиддхартха Будда Шакьямуни, который уже ушёл от нас, но навсегда остался в памяти человечества. Я видел его, я встречался с ним, я получал уроки от него. Я хочу рассказать о нём таким каким он остался в моей душе, а не о той «обожествлённой мумии», которой молятся люди, не знавшие его.

Он был яркой душой, живым человеком, слишком живым, слишком ярким, чтобы запомниться мне.

Я был иноземцем в его стране, его мире, однако судьба неожиданно свела меня с этой Личностью, которая оказала

на меня, гордого и не верующего ни во что, такое воздействие. Многие были готовы следовать за ним, многие уже при его жизни возносили его, как бога, причём, всяческие попытки этого возношения он жёстко пресекал.

«Я ищущий — говорил он нам, готовым молиться на него, — будьте ответственны за себя; молясь на меня, обычного человека, вы отказываетесь от этой ответственности, а значит, и от Свободы иметь свой собственный выбор и свою жизнь».

Помню, как при нашем расставании Будда сказал мне: «Не бойся испытаний, друг. Чем труднее твоя жизнь в этом мире, тем легче твоей душе «там», в Мире Вечности».

В слезах я покинул Индию и возвратился в свою родную Грецию на Пелопоннес.

Глава 1. Морские дьяволы

*«Остановись, оглядись, друг.
Пойми, где твоя жизнь,
И во что она превратилась.
Возможно, ещё не поздно
Принять решение
И обратиться к твоей душе?
Чего хочет она?
Знаешь ли ты это?
Самопознание — открытый Путь,
Но ты
Остановился,
Боишься следовать по нему».*
(Будда Шакьямуни)

...Я родился в очень хорошей семье в Греции в 600 г. до Р. Х. Мой отец Агапий был торговцем пряностей, перевозивший свой товар в Азию и Египет.

Он торговал даже с Персией, и сам Кир II издал указ о том, чтобы торговое судно моего отца оставалось неприкосновенным, его пропускали во многие персидские порты, чтобы он мог торговать беспрепятственно.

Это произошло, потому что сам Кир, царь царей, как он себя называл, был заинтересован в товаре моего отца.

Возвратившись однажды из своей поездки, отец собрал нас всех за семейным ужином и под успокаивающее потряс-

кивание огня в очаге, рассказал нам свою историю встречи с Киром II, эта история затем передавалась в нашем роду из поколения в поколение.

Проплыв через Персидский Залив, его корабль был захвачен и доставлен в сопровождении персидского судна в Персеполис по довольной узкой реке, которая никогда не отмечалась ни на одной карте, доньше существующая, по которой ориентируется любой мореход и торговец. Персы ненавидели греков, потому что всегда стремились завоевать греческие полисы и занять Балканский полуостров, но им это не удалось.

Он был жестоко избит и брошен в темницу. Отец мысленно помолился всем богам, которых чтит и храмы которых посещал, будучи жителем Патр, а затем переселившись в Афины.

Возможно, Великий Зевс услышал его молитвы, потому что на пятый день пребывания его и его команды в темнице его, закованного в колодки и цепи под конвоем переправили в великолепный дворец, каких отец ещё никогда не видел. На воротах этого дворца были изображены какие-то странные существа, напоминавшие львов, но имеющие крылья. Этих странных существ было столько много, что в человеке, созерцающего их, невольно рождался настоящий страх. Он попадал в совершенно иной непонятный ему мир, слишком непонятный, слишком агрессивный.

За свою торговую жизнь отец повидал многое; он видел

сфинксы и гробницы фараонов; и даже огромный сфинкс Хеопса не внушал ему такого страха, как эти крылатые львы.

Он шёл через огромные залы и видел множество чернокожих рабов и слуг, стоявших у дверей в каждой зале. Они тоже имели довольно грозный и агрессивный вид. Однако красота и убранство залов поразила его ещё больше, потому что всё там было сделано из мрамора и чистого золота. Даже в Египте, Мемфисе и Фаюме, в Долине Царей не видел он столько золота и сокровищ, — рассказывал затем в последствии отец. Он не успел налюбоваться всем этим богатством, потому что неожиданно получил сильный толчок в спину от начальника стражи, молодого гордого перса, жаждавшего крови и власти. Он упал, распростёршись перед тираном, возвышавшимся над ним на несколько ступеней, и создавалось впечатление того, что сидевший на троне человек, сошёл с небес.

Он хотел поднять голову, чтобы рассмотреть того, кто сидел на этом золотом троне, украшенном драгоценными камнями, но начальник стражи с силой ударил его по лицу и воскликнул на персидском:

— Не поднимай головы перед Царём Царей, собака!

Отец знал немного персидский, благодаря своей торговой деятельности.

— Поднимись, грек, — вдруг произнёс сидевший на троне человек.

Начальник стражи отошёл в сторону, потому что сидев-

ший на троне «царь царей» пожелал воочию рассмотреть пленника. Отец тоже внимательно посмотрел на сидевшего на троне. Это был молодой человек в золотом шлеме с очень красивым мужественным лицом, лицом настоящего перса с широкими плечами, покрытыми пурпурной мантией, расшитой золотом фигурками ястребов — символами бога Ормузда. В его правой руке был скипетр — символ царской власти.

— Знаешь ли ты, кто я? — спросил сидевший на троне.

— Я слышал, ты — Царь Царей Великий Кир II, — ответил отец.

Молодой человек улыбнулся, приняв почтительный ответ грека за подобострастие.

— Верно говоришь, грек. Не бойся, тебе не причинят зла в моём дворце. Ты — торговец с Пелопоннеса? Скажи, чем торгуешь и куда везёшь свой товар?

— Я везу пряности из Индии в Азию, господин.

— Почему же остановился в Заливе?

— Пополнить продовольствие, господин. Моя команда нуждалась в свежих продуктах.

— Почему же ты торгуешь с Азией, а не с нами?

Отец не нашёлся, что ответить, но угрюмое молчание, воцарившееся в зале, заставило его найти объяснение.

— Мы никогда не торговали с Персией, господин. Твоё царство и так богато, и мы думали, вы не нуждаетесь ни в чём.

Кир II вновь улыбнулся, ему понравился уклончивый ответ грека.

— Что ж, с этого дня я желаю покупать пряности. Слышал я от своих сановников и наместников, что эти пряности обладают целебным действием. Так ли это?

Агапий уловил смысл сказанного и понял, что ему вдруг улыбнулась удача в лице грозного владыки Азии из рода Ахеменидов. Мой отец вовсе не был глупым человеком и понял, что дело можно раскрутить в свою пользу.

— Да, Великий Повелитель, не лгут твои сановники и наместники, — ответил он.

— Одна из моих наложниц больна, и лекари не знают, что делать. Можешь ли помочь ты, грек? Если вылечишь её, будет тебе богатство и открытые торговые пути в Индию, никто не станет препятствовать твоим торговым кораблям, и все твои спутники будут освобождены и щедро вознаграждены.

Мой отец поклонился великому персу, он был человеком миролюбивым, и несмотря на противостояние великого государства Ахеменидов и греческих полисов, не испытывал ненависти к царю персов.

— Великий царь, скажи, чем же больна твоя наложница?

Кир Второй Великий велел удалиться своим сановникам и рассказал о том, что его возлюбленная Мехнаб вот уже больше месяца страдает болями в животе.

— Слышал я, что твой бог Асклепий знает многое.

— Верно говоришь, Великий Царь. Могу ли я осмотреть

твою наложницу, тогда мне будет легче подобрать ей соответствующее снадобье.

Казалось, просьба моего отца сильно смутила Кира, ведь персы никогда не допускали до своих женщин никого, а тем более иноземцев.

— Хорошо, но при одном условии, грек. Тебе будут завязаны глаза.

Отец не удивился подобной просьбе царя царей, тем более, у него не было иного выхода; он понимал, если наложница Кира умрёт, то ему и всей его команде, также, грозит гибель. Персы уже тогда в качестве казни применяли распятие человека, и тысячи деревянных столбов с перекладинами, на которые тяжёлыми гвоздями были прибиты жертвы, умиравшие под палящими лучами солнца Персии, составляли зловещее зрелище по всей долине.

Отец уже успел повидать эти страшные картины, и они оказали угнетающее воздействие на его психику. В Греции казнили ядами, и жертвы не мучились долго перед своей кончиной. Но Ахемениды отличались, как и древние ассирийцы, особенной жестокостью, поражающей миролюбивых поклонников грозного Зевса и воинствующей Афины.

Ему были завязаны глаза, и он был провожен стражей в отдалённую залу огромного дворца, где пахло розами.

Он не мог видеть прекрасного убранства женской половины замка, но мог слышать громкие стоны, наполнявшие собой это, окаймлённое негою и ленью, пространство. Тонкий

голос мог принадлежать лишь стройной иноземке-красавице.

Раньше отец видел персиянок в городах своего торгового пути, и они произвели на него приятное впечатление. Они отличались тонкой талией и широкими бёдрами, черты их лиц были прекрасны и совершенны, именно тем, что природа и так наградила этих обладательниц красоты Азии всем тем, чем могла, чтобы не использовать косметику, которой так гордились египтянки. При этом персиянки, всё же, накладывали румяна на свою нежную кожу цвета янтаря. Они носили шаровары и длинные очень яркие платья с замысловатыми рукавами, резко отличавшиеся от химатионов гречанок.

Девушка очень сильно стонала, и стоны эти возрастали каждый раз, когда отец прикасался к её округлому животу. Живот у персиянок, действительно, округлый, а не плоский, как у египтянок, и причём, персиянки, гордятся этим своим преимуществом.

Отец рассказывал, всякий раз, когда он прикасался к её телу, стража напрягалась, оголяла свои клинки; и каждый раз сердце моего отца вздрагивало от страха того, что в любое мгновение он может лишиться жизни, несмотря на то, что когда-то Оракул из Дельф предрекла ему смерть не от руки перса.

Когда осмотр был окончен, его вновь привели в залу для приёмов, где восседал царь царей Кир II.

— Ну, что скажешь, грек? Будет ли жить моя Мехнаб? Что происходит с моей возлюбленной наложницей?

Персы имели жён и гарем, и это было непривычно для грека, ведь в наших полисах многожёнство осуждается, ибо гречанки сильные независимые существа, которые не станут терпеть в доме ещё одну хозяйку помимо их самих, несмотря на существование конкубината, но это касалось лишь одиноких мужчин, в основном.

— Господин, в Вашей местности климат очень жаркий, а в таком климате, насколько я сведущ в наставлениях Асклепия, процветают разные болезни. Мой бог медицины в таких случаях рекомендует использовать в пищу пряности не только для вкуса и аромата, но и для того, чтобы убить болезни, — отец вытащил из-за пазухи маленький мешочек с гвоздикой, от которой исходил очень сильный и довольно приятный аромат, распространяющийся на всю залу.

Один из сановников поднёс мешочек императору и низко склонил голову перед троном. Трещало несколько факелов, и в этом тусклом свете отец запомнил, как он видел изумлённое лицо Кира. Царь царей повертел холщовый мешочек в руках, принялся, закрыв при этом свои тёмно-карие глаза.

— Аромат божественный. Что это?

Отец назвал индийскую пряность и сказал, что местный лекарь должен регулярно заваривать её и подавать в горячем виде, как напиток.

— Хорошо, грек. Мой лекарь Филон выполнит все твои

рекомендации, и ты должен будешь всё это время оставаться во дворце.

— Можете ли Вы освободить из темницы всех моих людей, господин?

— Не волнуйся, их прилично кормят, с них сняты кандалы, но выпустить пока я их не могу. Мне нужны гарантии того, что Мехнаб поправится и перестанет страдать.

Отец действительно оставался во дворце в течение нескольких дней. Филон — пожилой лекарь-перс делал всё, как советовал ему «грек Агапий», правда, молодая наложница кривилась всякий раз, когда ей подносили чашу с загадочным напитком, ибо он был горьким, а все персиянки привычны к излишней сладости.

На четвёртый день боли прекратились, и личные покои царя царей перестали оглашаться многочисленными стонами, раздававшимися из них раньше. Мой отец иногда украдкой смотрел на наложницу, хотя по правилам гарема он вообще не должен был присутствовать там. Он находил девушку-иноземку очень красивой, будто, вся красота мира была сосредоточена на её лице и фигуре.

Как-то раз один из стражей-евнухов заметил, с каким вниманием грек смотрит на Мехнаб. За это отец получил такой сильный удар рукояткой кинжала в спину, что едва не лишился жизни. Больше после этого попыток не повторялось, ибо персы — очень жестокий и злопамятный народ. Филон злорадно улыбнулся и помог отцу подняться.

— Никогда не смотри на наложниц, иначе это грозит тебе смертью, — произнёс пожилой перс.

На пятый день Кир выполнил своё обещание и собрал отца и всю его команду в зале для приёмов. Факелов здесь было уже больше, чем в первый раз, так что зала была освещена сильнее, и отец явился свидетелем невероятной красоты. Он увидел, что внутреннее убранство залы представляло собой как бы небеса, потому что потолок блестел чистой голубизною, и на этой голубизне сверкали золотые звёзды. Было ясно, персы владели совершенными технологиями в архитектуре, которые были совсем незнакомы его соотечественникам. Отец был поражён.

Кир II прошёлся по огромной зале, заложив руки за спину, осмотрел каждого пленника и остановился напротив отца. Его губы улыбались, он похлопал отца по плечу и произнёс:

— Грек, ты вылечил мою Мехнаб и достоин самой лучшей похвалы. Ты знаешь мой язык и уважаешь традиции моего народа. Я слышал, греки — свободолюбивый и независимый народ, у вас нет единого государства, как у нас, Ахеменидов. Вы не понимаете главного — только объединившись друг с другом, вы сможете стать сильнее. Но сейчас речь не о том. Я буду покупать твои специи, отныне торговые пути через моё государство открыты для тебя. А теперь ты можешь попросить то, чего ты хочешь, я исполню, ибо повторяю, за исцеление моей возлюбленной ты достоин награды. Итак, чего

ты хочешь, грек?

— Свободы.

— Свободы?

Кир, казалось, был очень удивлён неожиданной просьбе отца.

— Но я уже только что подарил тебе свободу, тебе и твоей команде, — возразил царь царей.

— Большого мне и не нужно.

— Как твоё имя, грек?

— Агапий.

— Что оно означает на твоём языке?

— Любовь. Моё имя обозначает любовь, чистую любовь, которая льётся на сердца людей с небес, где обитают боги.

Кир улыбнулся:

— Насколько я знаю, согласно твоей вере, боги обитают не на небесах, а на Олимпе.

— Верно, так думают мои соотечественники.

— Значит ли это, что ты не разделяешь их взглядов и являешься вероотступником?

Отец молчал, не зная, что ему ответить владыке половины мира.

— Я затрудняюсь сказать, государь. Философия мне недоступна, я — лишь скромный слуга Фортуны.

— Однако ты скромен и не выпячиваешь свою мудрость, как это делает большинство философов, да и мои подданные грешат тем же. Хорошо, Персия отныне станет безопасной

для тебя и твоих кораблей, будь свободным, грек.

Кир хлопнул три раза в ладоши, в зале для приёмов тотчас появились две рабыни-персиянки, ведущие накрытую дорогими тканями девушку-персиянку.

Когда покровы были сброшены, перед отцом и его командой предстала очень красивая персиянка, фигура и лицо которой были так совершенны, что это привлекло бы внимание многих скульпторов Греции.

— Это — мой дар тебе, грек Агапий, — произнёс Кир, — отныне эта девушка — твоя, и ты можешь распоряжаться ею на своё усмотрение.

Когда впоследствии отец рассказывал нам, детям, эту историю он не смог передать тех чувств словами, которые он испытал тогда. Могу себе представить, как был удивлён, обескуражен и сбит с толку отец при появлении подобного «дара». Отказ мог означать оскорбление и мог разгневать царя царей. Однако отец не привык лгать, и его замешательство вызвало всеобщий конфуз.

— Что же ты молчишь, грек Агапий? Неужели тебе не понравился мой подарок? — спросил Кир.

Отец ещё раз взглянул на красавицу-персиянку, опустил голову. Он был смущён.

— Ну, отвечай же!

— Твой дар — само совершенство, Владыка Земли и Моря, но... я уже женат и очень люблю свою жену и детей.

Он ожидал агрессии и гнева перса, однако вместо этого

Кир II рассмеялся; отец заметил, что на лицах стражи и саванников тоже появились улыбки.

— Так ты верен своей супруге, грек? — спросил Кир, — интересно знать, что же это за богиня, которая смогла заставить мужчину не желать других женщин. Ответь мне, грек, твоя жена красива?

— Да, повелитель.

Кир вздохнул:

— Что ж, я не могу забрать обратно свой дар, ибо у нас не принято так, забирай эту рабыню на свой корабль и плыви в свою далёкую Грецию, ведь вы, греки, так любите море. Но помни, я жду тебя с новым товаром.

* * *

...Отец вернулся из той поездки довольно счастливым в хорошем настроении, он мало суетился и много рассказывал. Он привёз много заморских фруктов, чему мы, дети, естественно были безмерно рады. Любой ребёнок обрадуется чему-то необычному, непривычному, отличающемуся от того, к чему он был давно привычен.

Фрукты эти давно знакомы мне в моих странствиях по далёкому Индостану: манго, персики, бананы, кокосы; но тогда они казались воистину диковинкой для нас. Вообще, мы каждый раз ожидали отца, потому что знали, помимо монет, тканей и ещё ряда новых товаров, необходимых в хозяйстве,

он не забудет порадовать гостинцами и всех членов семейства.

С тех пор в нашем доме поселилась смуглокожая Сахиб — красивая заморская рабыня; правда, в нашем доме с ней обращались вовсе не как с рабыней, а просто как с подругой моей сестры Лары.

Возможно, моя мать ревновала Сахиб к отцу, но благодаря присущей ей мудрости она никогда не показывала этого.

Мою мать назвали Афиной в честь воинствующей и благородной Афины Парфенос. Помню, у неё были белокурые волосы, прямой нос и печальные голубые глаза, которые цветом своим были, пожалуй, ближе к цвету морской волны. Моя мать была красива и горда, наверное, отец никогда не решился бы на измену, как это делали соседи. Нет, он был верным мужем и не причинял моей матери страданий, как остальные мужья.

Согласно нашим семейным хроникам, отец и мать справили свадебные торжества в Патрах, откуда моя мать была родом, а затем уехали в Афины. Это произошло в 605 г. до Р. Х.

Помню, наш красивый дом располагался на окраине Афин, откуда открывался вид на Средиземное море с его пенными берегами и кораблями, которые временами заплывали в нашу бухту, чтобы пополнить продовольствие.

Отец рассказывал, что он со своей командой заплывал в Эвксинский Понт и видел совсем необычных людей, кото-

рые имели смуглую кожу, но чуть светлее, чем у персов. Они были воинственными и нередко вступали с схватки друг с другом, демонстрируя чудеса военного искусства и ловкости. Иногда отец сам являлся свидетелем подобных нередко показательных боёв, о чём нам с удовольствием рассказывал.

Море было моей родной стихией, как, впрочем, для любого грека, в сердце которого жила любовь к родине и красоте.

Помню, как вечерами мать стояла на обрыве скалы и вглядывалась вдаль, чтобы увидеть, не покажется ли в бухте корабль отца.

Она старалась не показывать нам, детям, своего страха и волнения, но я чувствовал, что всякий раз, когда отец уезжал с торговой миссией в Азию и Индию, она с надеждой ждала его возвращения, молясь всем богам, а особенно Афине, так почитаемой в городе с её именем. В Афинах — множество храмов, построенных их основательнице — Великой Богине, и этими храмами особенно прославился этот город по всей Греции.

Для грека храм — это, прежде всего, место, где можно восхититься красотой Природы и творением рук человеческих. Я знаю, люди, исповедующие другие религии, ходят в храмы, чтобы покаяться, попросить помощи у богов, помолиться о жизни. Храм для нас, греков, это Дом, где обитают боги и, войдя в храм, мы являемся гостями богов, приобщаемся к их жизни, становимся ближе к ним и их миру.

Храм для нас — это не место раскаяния, а место счастья

и радости. Мы никогда не источаем потоки слёз перед божествами, они для нас — просто хорошие друзья, на которых можно надеяться; они — идеалы, которым можно подражать, чтобы стремиться к совершенству, как телесному, так и духовному. Мы, греки, никогда не разделяем телесное и духовное, эти два понятия являлись для нас общими, слитыми воедино. Помню, как впервые увидел мраморные изваяния Афины в храме, куда привела меня мать на Праздник Урожая. Несколько рабынь, одетые в белые химатионы, подносили Афине вино и снопы пшеницы, масло и оливы; мужчины-рабы водружали перед ней огромные пифосы с вином. В тот день я не обращал внимания на веселившихся людей, я смотрел на облик Афины Парфенос, и слёзы восхищения струились из глаз моих. А потом, когда мне было пять лет от роду, моя бабушка Фетахия посвятила меня в мифы о Зевсе, Геракле, Гефесте, и я узнал тот, что происходило на Олимпе, о гигантомахии, о циклопах, мечтавших захватить Землю, о великом Кроносе и его противостоянии с его сыном Зевса; о похищении Европы и о том, какими могут быть благосклонными или, наоборот, жестокими боги к людям, к роду человеческому. Я узнал о прекрасной соблазнительнице Афродите и о подвигах Геракла. Я узнал о знаменитом кентавре Хироне, наставнике Ахиллеса.

Я бредил Гомером и «Илиадой»; я представлял себе Троянскую войну и мечтал стать таким же прославленным воином, как Одиссей и Ахилл. Я скорбел о Патрокле и бесслав-

ной судьбе Гектора, я печалился вместе с Андромахой, оплакивавшей своего мужа.

Моя мудрая бабушка Фетахия рассказывала мне все эти мифы, пытаясь зажечь в моей душе тот пламенный интерес, любовь к Греции и Афинам, которым обладала сама, чего она не смогла сделать в сердце моего старшего брата Диоклета и сестры Лары.

Что касается Диоклета, то он увлекался атлетикой, очень быстр бегал и мог пробежать расстояние от Афин до Патр, ничуть при этом не устав и лишь легко подкрепившись несколькими оливками и натёршись маслом.

Он мечтал участвовать в Олимпийских Играх в честь Геракла, однако пока наш полис не выдвинул кандидатуру, и это весьма огорчало Диоклета.

Он подолгу упражнялся, совсем не замечая того, как красивые девушки-афинянки любовались его сильным торсом и мечтали о том, чтобы он заключил их в свои объятия. Лара, как мне казалось, впустую слушала бабушкины мифы, все её мысли были сосредоточены на другом. Она была влюблена в одного пастуха по имени Поллион — довольно умного юношу, занятого хозяйственными делами. Его отец Полистон увлекался философией и частенько участвовал в собраниях, но я никогда не слушал его, часто уединяясь в бухте и представляя себе, как из этих пенных вод выйдет легендарный Персей.

Я смотрел вдаль на Эгейское море и ждал своих куми-

ров. В свои пятнадцать лет я был довольно впечатлительным юношей, моя мечтательность и отрешённость, возможно, отпугнула бы какую-нибудь малодушную гречанку, если б я был старшим и входил в брачный возраст. Но пятнадцать лет — счастливая пора, когда ты мог развиваться и, тебя никто не заставлял думать о земном и бренном. Отец зарабатывал достаточно и хотел, чтобы я стал образованным, видя мою пристрастность к знаниям. Поэтому я был отдан в обучение к одному чудаку-философу Фалесу из Милет. Фалес к тому времени был уже в почтенном возрасте, но благодаря употреблению различных трав и азиатских снадобий он выглядел отлично для своего возраста и был бодр и улыбчив.

Говорили, мой учитель много путешествовал в молодости: побывал в Мемфисе, Фивах, где учился у жрецов и изучал причины наводнений, нашёл способ измерения высоты пирамид.

Он был не просто философом, но и математиком и обучил меня геометрии и счёту.

«Всё происходит из воды, и земля плавает в воде, словно, кусок дерева или корабль в море», — так говорил Фалес, и взгляд его при этом затуманивался, словно, он проникал в одному ему ведомые сферы Бытия.

«Земля плавает в воде, и Солнце и другие небесные тела питаются испарениями этой воды».

Он считал, что вся материя является одушевлённой и учил нас бережно относиться к Природе.

Однажды именно в тот день, когда отец привёз меня в его лицей для обучения в 585 г. до н. э., случилось солнечное затмение, и всё вдруг на какое-то время стало тёмным. Я помню, Фалес, этот сильный мужественный всегда спокойный и уравновешенный человек, стоически улыбнулся нам и произнёс, что он знал об этом событии заблаговременно.

Он служил у царя Лидии Крёза и жил на побережье Азии вдали от города, потому что любил природу. Я знал, что Фалес не был чистокровным греком, он имел финикийские корни, и, тем не менее, я привязался к этому человеку, несмотря на то, что в нашей группе были ученики, пренебрегающие учением. Они обучались лишь для поддержания престижа семьи и своего статуса «образованности» в обществе. Ибо учиться у самого Фалеса считалось престижным.

Я знал, он ненавидел персов и всю династию Ахеменидов, подавлявшую своей расширившейся экспансией большинство народов, и не раз я слышал его пламенные речи в пользу объединения против империи персов.

Помню, когда отец впервые привёл меня к Фалесу, философ похлопал меня по плечу, демонстрируя своё дружеское расположение, при этом внимательно заглянул в мои глаза:

— Ты хочешь узнать многое об этом Мироздании, а не создать себе имидж в обществе, как большинство этих глупых юношей? — произнёс проницательный философ, — многие из этих мальчиков мечтают стать ораторами, вовсе упуская главное.

— В чём же заключается это главное? — спросил я, видя, что философ замолчал.

— В том, чтобы двигаться к истине, мой друг, — произнёс он.

— Господин, Вы научите меня Истине? — спросил я.

— Разве можно научить Истине? — философски заметил Фалес, — у каждого она своя. Если ты постигнешь своё сердце, то постигнешь и Истину, — заключил он.

Я долго думал над его словами, прежде чем понять их смысл и мысленно был восхищён мудростью этого пожилого бедного человека. Фалес был беден «из принципа», потому что вовсе не стремился к богатству. Этим он как бы противопоставлял себя обществу, совсем не вызывая агрессию и неприятие. Наоборот, его идеями дорожили и прислушивались к ним. Фалес был действительно бедным, помню, в ликеуме мы всегда скромно питались, но при этом довольно простая пища позволяла нам иметь острый ум и память.

Шесть месяцев в году я жил в ликеуме, постигая мудрость и науки, а остальное время проводил в доме, помогая матери по хозяйству в отсутствие отца, потому что Диоклет большую часть времени готовился к Олимпийским играм.

По вечерам же я гулял под звёздным небом и воображал, что звёзды — это глаза богов, которые взирали на меня со своих далёких запредельных высот.

Помню, однажды Фалес остановил меня, когда я собрал вещи и ожидал прибытия отца, чтобы вместе с ним на его

корабле отправиться в Афины.

— Дионис, — произнёс учитель (меня звали Дионисом в честь бога виноделия славившегося на всю Грецию), — я вижу, в твоих глазах грусть. Это говорит о пытливости твоего ума, а также о том, что ты мечтаешь о таких высотах, которые недостижимы для человечества. Скажи, Дионис, что с тобой происходит? В отличие от всех остальных моих учеников, которые ведут себя довольно беззаботно, ты производишь совсем иное впечатление. Может быть, что-то угнетает тебя?

— Нет, учитель, я думаю, Вы нам даёте слишком много, но я так и не смог постичь Истину. Я, словно погружаюсь в пучину вод и выплываю из этой вселенской глубины опустошённым.

Я помню, учитель улыбнулся своей привычной для меня задумчивой улыбкой и произнёс:

— Истину невозможно постичь, сынок, потому что она вечна и бесконечна, как вселенная.

— Но почему же тогда боги постигли её? — спросил я.

— На то они и боги, сынок.

— Но разве боги — не те идеалы, к которым стремятся люди? Разве не обязанность богов передать нам, людям, всё, что они постигли?

— Боги управляют этим миром и вселенной. Они не так глупы, чтобы передать бразды правления обычным людям, иначе человек с его ограниченностью посягнёт и на большее.

— Значит, боги боятся этого?

— Всё верно, Дионис, стремись к идеалам, но не посягай на то, что принадлежит богам.

Помню, как Фалес всё ещё долго смотрел на меня в тот день.

— Что же ещё так сильно волнует тебя, Дионис? Скажи, сынок, доверься мне.

И тогда я задал ему тот вопрос, который действительно тревожил меня в течение всех этих лет.

— Скажите, учитель, что же происходит, когда умирает человек? Что ожидает нас за Гранью? Все те воины-олимпийцы, прославившие Грецию и ушедшие в Небытие, где они, и что с ними стало в дальнейшем?

Помню, философ прошёлся вдоль залы, заложив руки за спину. Затем он попросил меня подняться вместе с ним на самый высокий холм. Оттуда было видно стадо овец и пастух, следующий за этим стадом. Через какое-то время и пастух, и стадо, скрылись за поворотом, и их вдруг не стало видно случайному наблюдателю.

— Дионис, — произнёс Фалес, — скажи, где стадо и пастух, и что с ними произошло за тем поворотом?

Я пожал плечами.

— Не знаю, учитель, — произнёс я.

— И я тоже не знаю, что происходит с нами, когда мы уходим за Грань. Но одно могу сказать точно. Там, за этой Гранью нас ждёт Вечность, и мы растворяемся в этой Вечности.

Я не знаю этого, но я верю, хочу верить, что после физической смерти мы не умираем, а продолжаем существовать в совсем иной реальности. Я много путешествовал и бывал на той территории, где живут индусы. Они верят, что смерть — не конечная станция.

— Вы были в Индии, учитель? — спросил я, мысленно представив себе удивительные красоты этой земли, о которой мне столько раз рассказывал отец.

— Говорят, в государстве Капилавасту живёт один мудрец, называющим себя Буддой или Просветлённым. Он постиг Истину, но я не смог попасть к нему.

Наш разговор окончился, но с тех пор я часто вспоминал Индию и Просветлённого.

* * *

...Говорили, Фалес мой великий учитель, имел финикийские корни, я безмерно уважал его, однако часто слышал истории о «морских дьяволах», от людей, которые пострадали от них. Это были финикийцы, похищавшие людей, увозившие их в далёкие земли и продававшие на невольнических рынках, независимо от того, кем до похищения являлась их жертва.

В Греции ходили разные слухи об этих морских дьяволах. Говорили, у них был особый знак на корабле в виде нарисованного довольно искусно человеческого глаза. Этот

глаз превратился постепенно для меня в наваждение. Я часто видел его в своих снах и страдал немало от подобного навязчивого состояния. Тогда, будучи пятнадцатилетним подростком, я ещё не знал того, что в будущем мне придётся столкнуться с вероломными финикийцами. Однако тогда они только превратились для меня в навязчивую идею, заставляя внутренне напрягаться при упоминании об этих людях.

Рассказывали, многие респектабельные, всеми уважаемые люди из-за вероломности и разбойничьих действий финикийцев были превращены в рабов. В моё время стать рабом было гораздо легче, чем уважаемым оратором и свободным горожанином.

Однажды Фалес подошёл ко мне, по-дружески похлопал меня по плечу и произнёс:

— На сегодня занятия окончены. Все уже разошлись, разъехались, мой дорогой Дионис. Когда же твой отец придет за тобой?

— Мой отец? Но он сейчас уехал в Индию за своими пряностями, учитель, — ответил я, сворачивая свитки, на которых я записывал то, что говорил нам Фалес во время занятий. Затем, уединившись, я вновь читал свои записи, чтобы мне было легче запомнить всё. Не все ученики практиковали подобное усердие, надеясь на свою память. Но Фалес призывал нас, всё же, вести записи, если дело касалось геометрии.

— Память человеческая несовершенна, — говорил он, —

не особо полагайтесь на неё.

Я чувствовал, ему нравилось моё усердие и усидчивость.

— Хорошо, поживи немного в моём доме, — произнёс учитель, всматриваясь в пенное море, покрытое лёгкой туманной дымкой, — я не жду учеников на следующий сезон.

— Не ждёте? Почему, учитель? — удивился я.

— Я уезжаю вновь в дальнейшее путешествие, а по возвращении, если оно произойдёт, я вновь буду набирать учеников.

Увидев сомнение и разочарование в моём взгляде, Фалес философски улыбнулся.

— Ты хочешь продолжить учение, Дионис? — произнёс он.

— Но почему Вы говорите «если произойдёт»? Неужели, Вы не уверены, что вернётесь сюда? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Увы, боги судьбы играют нами, и мы не всё можем держать под контролем свои судьбы. Боги всё чаще и чаще вмешиваются в них, если видят нашу гордыню.

— Но...как же?

— Всё может произойти, сынок. Я могу умереть при загадочных обстоятельствах, или вообще, не вернуться из дальних странствий, предпочтя жить в Садах, которые облюбую для себя там, на чужбине. Возможно, на чужбине я открою новый ликеум и буду обучать своих последователей тем знаниям, которым я наберусь там и всё систематизирую.

Он вновь пожал плечами.

— Прости меня, Дионис. Возможно, я разочаровал тебя.

— Нет, учитель, как Вы можете разочаровать меня, недостойного?

— Никогда не считай себя недостойным, сынок. Просто, или по Пути и не оборачивайся, иначе сомнения и неуверенность захлестнут тебя.

Я прожил с Фалесом около месяца в его доме до тех пор, пока в бухте не показались корабли моего отца, приплывшие за мною. Мой день начинался с восходом Солнца, когда молчаливая рабыня Ниневия будила меня, и вместо обильного завтрака, какие практикуют в своих жизнях аристократы, она подавала мне несколько фруктов и молоко с мёдом. Затем я сопровождал учителя в его прогулках и слушал его. Иногда мы шли в город, находившийся поблизости, чтобы купить на рынке то, что хотел учитель, но чаще всего углублялись в лес, преодолев небольшую холмистую долину. Он наблюдал за природой и говорил мне то, что чувствовал и видел, эти знания исходили из глубины его души и сердца, поэтому являлись ценными для меня. Отец в тот раз привёз много подарков, именно в тот год было действительно много подарков.

Фалесу я вручил шкатулку из слоновой кости с драгоценными камнями внутри неё. Помню, учитель повертел мой дар в своих руках, улыбнулся мне своей философской улыбкой, как это делал почти всегда.

— Благодарю Вас, учитель, — произнёс я, соблюдая наш

обычай и склонился перед философом.

Внизу о скалистый уступ ударялись неистовые волны Эгейского моря, я хотел, чтобы Море стало свидетелем моего расставания с философом, ибо я верил, его воды вбирают в себя всё: и наши радости, и печали, и слёзы.

— Для чего же мудрецу богатства, сынок, — спросил Фалес, — когда для него вся земля — всё дом, а все люди — сёстры и братья?

— Эти драгоценные камни помогут Вам путешествовать, исполнить Вашу заветную мечту, учитель, — произнёс я, не растерявшись.

— Верно, эти камни нужны в том обществе, где в людях живёт жажда наживы, и именно в таком обществе мы с тобой живём, мой мальчик. Благодарю тебя, Дионис, и Вас, господин, — обратился он к моему отцу, наблюдавшему всю эту сцену со стороны.

Отец мой уже знал о намерениях Фалеса отправиться в путешествие на неопределённый срок, и тем самым пока прекратить набор учеников в свой ликеум.

Он сожалел об этом, хотя старался не показывать вида.

— Ваш сын, господин — очень талантливый человек, он стремится к знаниям, и я думаю, из него получился бы хороший философ, который может в будущем сознавать свои школы.

Услышав слова учителя, я был очень удивлён, так как и не думал о таком будущем, которое нарисовал мне Фалес. В

тот день мы были приглашены на трапезу и с удовольствием согласились участвовать в ней.

Фалес ушёл делать приготовления и пригласить ещё кое-кого из своих друзей, чтобы проститься со всеми нами, а мы с отцом остались наедине.

— Чем бы ты хотел заняться, сын мой, — спросил меня отец, — я вижу твоё пристрастие к знаниям в отличие от Диоклета, но, к сожалению, не могу найти пока для тебя достойного учителя.

— Отец, я хотел бы стать торговцем и путешествовать вместе с тобой, — произнёс я.

— Знаешь ли ты, Дионис, как опасен путь торговца? Многие мои собратья потеряли свои жизни в лишениях на чужбине.

— Я не боюсь лишений, — ответил я и почувствовал объятия отца.

Я знал, он был доволен моими словами, ибо они были произнесены со всей искренностью, какая жила в моей душе. Так я стал помогать отцу в его торговом деле, когда мне едва исполнилось шестнадцать лет, и я считался атлетически сложенным юношей, перед которым лежали большие перспективы.

Был ли я счастлив...? Да, мне казалось, что да...

Глава 2. Лишения

*«Жизненный Путь простирается
Перед тобой,
Ты идёшь по нему
И не видишь того,
Что несчастья и лишения
Окружают тебя
Со всех сторон.
Не бойся лишений, друг,
Ибо без лишений
Не постигнешь мудрости.
Живёт ли мудрость в сердце
Твоём?
Или ты боишься её, мой друг?»
(Неизвестный философ, 8 в. до н. э.)*

585 г. до н. э.

... За два года я очень изменился, возмужал, вырос, и теперь сам силач Диоклет не решался участвовать в тренировочных схватках со мною, на зная наперёд, что всё равно я одержу над ним победу.

За два года я сильно раздался в плечах благодаря регулярным тренировкам, поощряемых отцом.

— Сила тебе не помешает, Дионис, — часто приговаривал он, наблюдая за тем, как он упражнялся.

Моя сестра Лара была отдана замуж за соседнего зем-

левладельца, мы привезли с севера много вина и масла. Я участвовал в свадебном пиршестве, изображал шутливого бога Диониса, в честь которого и был назван. В мою задачу входило подношение пиршественной чаши для гостей — этот обычай пришёл в Афины из Пеллопоннеса, где бог виноградарства особо почитался.

Я обносил гостей фиалом и наливал оттуда вино в их кубки; Диоклет же должен был изображать лучезарного Аполлона, которого изначально любили и чтили афиняне. Надо сказать, выражение его лица было несколько грозным для светящегося бога, однако это лишь добавляло ещё большую торжественность в сцену.

Но, всё же, мне было грустно, потому что я глядел на мою печальную красивую сестру рядом с её мужем Дорифором. Дорифор являлся нашим соседом и владел огромной площадью по разрешению афинян. Он занимался овцеводством, и на его территории производили вкусный сыр, славившийся в Афинах; ещё у Дорифора был большой виноградник, и регулярно поставлялись амфоры в Афины. В тот год после Филиппа Афинами правил Дамасий II. Говорили, он обожал вино и охотно расплачивался с предприимчивым Дорифором. Ему было около тридцати пяти лет, в то время, как моей сестре Ларе едва исполнилось девятнадцать, и она совсем не любила своего новоиспечённого мужа, потому что сердце её давно было отдано Поллиону — юноше с соседнего холма, где он жил со своим семейством. Я знал о чувстве Лары,

потому что она сама доверилась мне незадолго до своей свадьбы.

«Как-то раз Дорифор видел меня на празднестве в городе, посвящённом Афине Парфенос», — начала как-то свой рассказ Лара. При этом я видел, как слёзы возникли в её прекрасных глазах, и сердце моё от этого сжалось. Я любил сестру.

— Я понравилась ему, но... я не могу жить без Поллиона, а он — пастух и пасёт овец. Их стадо очень малочисленное, Дорифор давно грозитя разорить семью Поллиона. А если теперь он узнает, что я... влюблена в Поллиона, он разорит их.

Затем я уехал в обучение к Фалесу и долгое время не видел мою сестру. Вернувшись, я узнал о том, что Поллион с родителями покинули долину и ушли далеко со своим скарбом, чтобы не превратиться в рабов.

— Вероятно, он поселились в другом полисе, — произнесла, рыдая, сестра, — а я даже не знаю, где. Я не знаю, где мне искать моего Поллиона.

Что мне оставалось делать? Я успокоил сестру, а через несколько месяцев узнал, что Дорифор посватался к Ларе. Родители не возражали, однако у них было одно условие — свадьба должна была состояться лишь по достижению моей сестре девятнадцати лет. И вот этот день произошёл, а она ходила весь день, как в воду опущенная, не глядя по сторонам и ничего не замечая вокруг себя.

— Поговори с матерью, Лара, — посоветовал я ей, — она должна понять свою дочь, а тем временем мы разыщем Полиона.

— Но как тебе это удастся, брат? — удручённо спросила меня Лара, — возможно, его уже давно нет в живых, а я ничего не знаю.

Она вновь зарыдала. Помню, этот разговор состоялся между нами как раз накануне её свадьбы.

Я пошёл к матери, которая уединилась у себя и молилась богам о благополучном возвращении отца (в этот раз я не поехал с ним, ибо должен был по семейному уговору участвовать в приготовлениях к свадебному торжеству). Мать была занята плетением накидки, возле её ног сидела рабыня и Сахиб, помогавшие ей в этом. Сахиб стала ещё прекраснее с той самой поры, как я впервые увидел её, и я стал часто ловить себя на мысли, что думаю о ней всё время, несмотря на то, что в ту пору на меня уже заглядывались девушки, и я догадывался о том, что родители начали поговаривать о моей женитьбе.

— Ты пришёл, Дионис? — удивилась мать.

— Да, я хочу поговорить с тобой, мама.

Как мудрая женщина, она дала знак рабыням удалиться и прервала своё занятие.

Я сел рядом с ней, проследил взглядом за тем, как уходит Сахиб; девушка, кажется, тоже была смущена моим вниманием к ней; взял небольшую ветвь винограда из чашки и на-

чал есть.

Мать долго смотрела на меня, затем произнесла:

— Ну, так о чём ты хочешь поговорить со мной, Дионис?

— О моей сестре Ларе, — робко ответил я, потому что я глубоко уважал свою мать. И испытывал к ней благоговение, в отношении других людей, с кем я соприкасался, я был достаточно смелым и не робел.

— О Ларе?

— Да, ведь тебе же известно, что она влюблена в Поллиона... Неужели Лара ничего не говорила тебе об этом?

— Нет, не говорила, — произнесла мать, оставив свою работу, отложив её в сторону, но я часто видела их вместе и догадалась о чувствах твоей сестры, так же, как и о чувствах этого юноши.

— Разве ты не видишь, мама, что Лара ничего не испытывает к этому Дорифору? Я могу лишь предположить то, что это Дорифор разорил семью пастуха и заставил их странствовать по всей Греции, переселяться в другие полисы.

— И что же ты предлагаешь, Дионис? — спросила мать, в её голосе чувствовалась ирония, что меня немного смутило.

— Я хочу разыскать Поллиона и соединить влюблённых, — простодушно ответил я, — я хочу, чтобы моя сестра Лара была счастлива.

Мать снова взялась за работу, затем отложила её в сторону и внимательно взглянула на меня.

— Ты ещё слишком молод, сынок, — вдруг произнесла

мать, — и не понимаешь многого в этой жизни.

— Чего же я не понимаю, мама?! Я просто хочу, чтобы моя сестра была счастлива. Неужели мои мысли и желания столь предосудительны?

— Я не хочу, чтобы твоя сестра была нищей, а бедный Поллион не смог бы обеспечить её будущее. Кто знает, быть может, он уже стал рабом. Неужели ты хочешь, чтобы твоя сестра превратилась в рабыню?

— О, нет, конечно же, нет, мама. Но... Я видел, многие девушки после своего замужества теряли свою красоту, и теперь понимаю, почему. Они были несчастны со своими мужьями. Неужели ты хочешь, чтобы наша Лара состарилась прежде времени? Дорифор запрет её в своём доме, как птицу в клетке. Неужели такого будущего ты жаждешь для дочери?

Взгляд моей матери стал жёстким.

— Нет, но и влачить жалкое существование я не позволю. Дорифор, быть может, не так мечтателен и сентиментален, как Поллион, но он способен содержать семью.

— Любила ли ты отца, когда выходила за него замуж? — спросил я и тут же ужаснулся своей дерзости.

Однако мать тяжело вздохнула и улыбнулась мне, она потрепала меня по чуть выющимся волосам.

— Да, я любила твоего отца, дорогой. Просто так совпало, что Агапий мог заработать, чтобы обеспечить свою будущую семью.

— Была ли у тебя возможность стать женой более состо-

ательного афинянина? — спросил я.

Она кивнула:

— Да, была. Возможно, тогда моя жизнь была более спокойная, чем сейчас, ибо он входил в городской совет и являлся влиятельным лицом при прошлом архонте. Но сейчас...сейчас всё изменилось.

— Быть может, благодаря своей любви к отцу ты до сих пор выходишь на ту скалу, чтобы увидеть возвращение кораблей отца из странствий?

— И каждый раз теперь я жду вас обоих и волнуюсь.

— Позволь Ларе выйти замуж за Поллиона.

— Никогда! И не проси меня об этом, Дионис. Слишком сильно мы зависим от Дорифора, и в случае отказа он может разорить нас и настроить против архонта и Совета.

Удручённый, я возвратился к своим делам, а временами видел Лару, вытирающую свои слёзы. Но что я мог сделать? Найти Поллиона и отсрочить день свадьбы оказалось непреодолимым, и я смирился.

В центр залы вышла гречанка-рабыня и начала декламировать стихи Сапфо, услаждая слух приглашённых на свадебное празднество. Я отвлёкся от своих грустных мыслей и прислушался.

...И из Сард к нам

сюда она

часто мыслью несётся,

вспоминая, как мы жили вдвоём, как

богинею ты
казалась ей славною,
и как песни твои ей
были милы.
Ныне блещет она средь Лидийских жён.
Так луна разопёрстая,
поднимаясь с заходом Солнца,
блеском превосходит все
звёзды.
Струит она свет на море солёное,
на цветущие нивы и поляны.
Всё рососою
прекрасной залито.
Пышные розы красуются,
нежный кервиль и донник
с частым цветом.
И, нередко, бродя,
свою кроткую вспоминаешь
Аттиду ты, —
и тоска тебе часто
сердце давит.....

.....О, как сейчас эти слова были созвучны пережива-
нием моей души! Я был благодарен этой рабыне за то, что
она угадала мои мысли. Я подошёл к ней настолько близко,
что рабыня обвила мои плечи своими руками. Она счита-
лась рабыней Дорифора, и для нас, свободных граждан, была
неприкосновенна, поэтому могла позволить себе некоторые

вольности по сравнению с нашими рабами. Дорифор являлся уважаемым человеком в полисе, его уважал архонт, к нему прислушивались и другие вельможи, входившие в Совет.

— Иди ко мне, красавчик! — произнесла рабыня, — будь сегодня моим богом Дионисом, ведь, я слышала, твоё имя — Дионис.

Я растерялся, мой взгляд остановился на прекрасной Сахиб, видевшей всю эту сцену. Персиянка удалилась, а я, оттолкнув от себя рабыню Дорифора под общий смех и веселье гостей, устремился вслед за Сахиб, которая двигалась так быстро, словно ветер.

— Эй, Дионис, остановись! Налей нам своего вина, подсласти душу, — кричали мне вслед, я мчался за убегающей персиянкой.

— Сахиб! Остановись! Сахиб!

Я нашёл её на вершине скалы, куда часто бегал я в детстве, чтобы наблюдать за пенящимся Эгейским Морем, куда приходила моя мать Афина в ожидании возвращения из дальнего странствия эскадры моего отца. Девушка прилегла на голый камень и зарыдала. Её стройное тело облегал хитон, какие носили все без исключения гречанки-рабыни; а, наверное, на своей далёкой родине Сахиб облачалась в длинное цветастое персидское платье и шаровары. Но хитон ей шёл, и мне казалось, в этой одежде она была прекрасной, как никогда.

Я присел рядом с ней на уступ скалы:

— Сахиб, прошу тебя, успокойся. Почему ты плачешь?

Но девушка отвернулась от меня и продолжала рыдать. Сложно понять женщин, и мне это тоже никогда не удавалось.

Я привлёк её к себе, как мужчина, добивающийся расположения женщины. Она обмякла, положила свою голову на моё плечо.

— Ты думаешь, я заинтересовался рабыней Дорифора?

В чёрных томных азиатских глазах мелькнул огонь сомнения, я улыбнулся.

— Нет. Я думал о тебе всё это время.

Она дёрнулась и хотела уйти, но я задержал её руку в своей. Сахиб говорила с большим акцентом на койне, но я её отлично понимал. За два года жизни в нашем доме она научилась сносно говорить.

— Я — всего лишь рабыня для Вас, господин. Разве могу я обижаться на Вас? Вы вольны делать всё, что хотите, а мне остаётся думать о моей далёкой родине.

Она вновь вырвалась и убежала, а я в костюме бога Диониса так и остался созерцать туманные берега, окружённые Эгейским Морем.

.....По окончании свадебных торжеств было условлено, что моя сестра Лара со своим мужем Дорифором отправятся на Север, затем в Эвбею к дальним родственникам её мужа.

Диоклет должен был отправиться в Дельфы для подготовки к новым олимпийским играм, а я, оставшись на некото-

рое время в доме по плану должен был дожидаться возвращения отца из Персеполиса (это была тайная поездка, о которой мы условились никому не говорить, ибо Греция в то время враждовала с Персией, и торговлю отца могли счесть за предательство). Затем мы отчаливали от берегов Греции и вновь должны были отправиться в Индию за новым товаром.

— Присмотри за матерью, Дионис — наставлял меня отец перед отплытием, — в последнее время она стала грустной.

Я вздохнул.

— Возможно, она переживает за Лару, которая потеряла своего Поллиона и вышла замуж за нелюбимого и тщеславного Дорифора.

Отец похлопал меня по плечу, что делал всегда, когда хотел меня подбодрить.

— Такова жизнь, сынок, — произнёс отец, — такова наша жизнь.

— Но жизнь делают люди, и моя сестра могла бы быть счастлива, если б мы отправились на поиски Поллиона.

— Уверен ли ты, что он жив? Или не превратился в раба от бедности своей? — спросил отец.

— Уверен. Я уверен, что он жив.

— Почему же? Разве боги подсказывают тебе это?

— Да, отец, моё сердце говорит мне, что Поллион жив и тоже любит Лару. Мой учитель Фалес на прощание сказал мне: «Слушай своё сердце». Я запомнил его наставления, отец.

Он не ответил, потому что не знал, что сказать.

К полудню наша торговая эскадра отплыла, а мать ушла к себе и вышла лишь к ужину, за которым была особо молчалива.

Я видел, как среди других рабынь за столом прислуживала Сахиб, и тоже молчал.

Так часто бывает, жизнь начинает течь в своей привычной колее, и вдруг одно событие переворачивает всё с ног на голову, круто меняет твою судьбу, и ты не в силах ничего сделать, и вынужден подчиниться.

Судьбу мы, греки, называем Фортуной, мы привыкли одушевлять, обожествлять всё, с чем соприкасаемся. Фортуна для нас — капризная богиня, которая может принести счастье или горе в зависимости от «настроения». В мою жизнь Фортуна принесла горе.

Всё началось с того, что в пятницу мама решила отправиться на рынок в Афины, одна без рабынь, как это делала раньше.

— Я хочу прогуляться, — утверждала она, желая заглушить все мои возражения, — мне ни к чему рабыни; я посету храм Афины, так будет спокойнее для меня.

— Но, мама, почему ты не хочешь, чтобы я сопровождал тебя? — спросил я.

— Потому что Афины находятся совсем рядом, и ничего со мной не случится.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Хорошо, я пойду с соседкой Ариадной, чтобы ты был спокоен за меня.

Мама потрепала меня по плечу, и я действительно успокоился, потому что знал Ариадну. Это была довольно скромная женщина. В саду её дома росло самое высокое оливковое дерево во всём полисе. Она была некрасива, но, оставшись вдовой после смерти своего мужа Иллодора, стойко перенесла свою утрату.

— Итак, ты доволен, Дионис? — спросила меня мать.

Я кивнул.

— Только не задерживайся надолго, я буду ждать тебя.

— Ты уже совсем стал взрослым, сынок. В твоём возрасте юноши уже начинают замечать женщин, как, например, твой знакомый Анастас.

— Я слышал, он ходит к гетерам, — сказал я.

— Гетеры — дурные женщины, но я ничего не вижу плохого, если юноша до своей женитьбы посещает гетер, набирается опыта и красоты. Среди гетер есть довольно образованные женщины, знающие толк в искусстве и поэзии.

— Возможно, но у меня другие мечты.

— Какие же?

Я пожал плечами:

— Познать истину.

— Вижу, твой философ сильно затуманил твои мысли, — произнесла мать, — но пройдёт время, и ты познаешь простоту жизни и станешь другим.

— Великий Фалес говорил о том, что человек — многомерное существо. Он может иметь семью и предаваться знаниям и творчеству. Не нужно заикливаться на чём-то одном, и помнить о том, что много путей уготовили нам боги. Можно выбрать один из них или несколько.

.....Дом был погружён во мрак в отсутствие хозяйки, я был занят своими упражнениями, метал диск, бегал. Затем раб Харид принялся натирать меня оливковым маслом; я немного согрелся, так как Солнце в последнее время перестало быть таким ласковым, как раньше.

Я лежал в своей зале и смотрел на небольшие изваяния воинов, украшавшие дом. Мечтать я не мог, ничего не приходило на ум, иногда прислушивался к тихим шагам рабов. Они сустились по хозяйству, о чём-то переговаривались между собою. Одиночество давило на меня, хотя раньше я сам искал уединения. Теперь же в этот вечерний час оно стало тягостным для меня.

Сахиб, как всегда, принесла козьего молока, поставила его передо мною и хотела уйти, но я задержал её.

— Сахиб, ты не видела, мама ещё не возвращалась из Афин? — спросил я.

— Нет, господин, я не видела хозяйку, — произнесла девушка своим бархатным голосом, который я всегда так любил.

— Странно, почему она так долго задерживается?

Я осознал, что думал вслух, и это смутило меня. Я созер-

цал красивое тело Сахиб, не решившись снова прикоснуться к персиянке. Она чего-то ждала, красное солнце, проникающее в залу сквозь прорези в стенах, отразилось на её смуглой коже, и она напоминала мне Богиню Огня. Возможно, такой была Иштар в представлении древних вавилонян.

Почему-то на ум пришло то, что Иштар-Астарта является прообразом Афродиты, но я тут же оттолкнул от себя эту мысль. Что общего может быть у иноземцев с нами, греками?

— Ты можешь идти, Сахиб? — произнёс я, отпустив её руку, хотя боролся с желанием притянуть её к себе, — если мама вернётся, скажи мне об этом.

Она поклонилась, как и полагалось рабыне, и вышла, оставив меня предаваться своим собственным мыслям, которые постоянно путались.

Бедра постукала в мой дом, уже когда на небе замерцали первые звёзды. Пришла взволнованная Ариадна и, сильно жестикулируя и размахивая руками, пыталась донести до меня, что моя мать пропала. Она едва сдерживала слёзы, которые, всё же, хлынули безудержным потоком из её глаз.

— О, Афина Парфенос! — стенала соседка, — мы остановились у моей подруги, поговорили немного, а затем Афина ушла в город на рынок. Мы стали дожидаться её.

Тут Ариадна сделала небольшую паузу, выпила немного вина, стоявшего перед ней в фиале, перевела дух.

— Но она не вернулась. Затем я с подругой Анфиссией отправилась в сопровождении двух её рабов на поиски Афи-

ны. Беда, господин Дионис, беда — мы так и не смогли её найти. Затем мы обегали всех медикусов, но никто не обнаружил её тела.

— Так что же всё-таки могло случиться с моей матерью? — в напряжении и возбуждении спросил я.

— Говорят, в тот день на рыночной пристани, где торгуют рыбой, все видели огромный корабль с «Глазом», — произнесла удручённо Ариадна.

— Корабль с изображением глаза на корме и парусах?

Она кивнула:

— Да, г-н Дионис.

— Я слышал «глаз» — это символ финикийцев, — произнёс я, раздумывая над словами соседки.

— Верно. Это были финикийцы.

Она вдруг соскочила и начала расхаживать по зале:

— Мне рассказывали, финикийцы заманивают хорошеньких женщин на свои корабли, а затем продают их в рабство, либо в Египте, либо в Азии.

— Вы уверены в этом, г-жа Ариадна? — спросил я.

— Да, уверена, я действительно слышала об этом.

— Жаль, что я не слышал, иначе я предупредил бы маму заранее или поехал бы с ней на рынок.

Ариадна утёрла слезу и обняла меня по-матерински.

— Поезжай в Афины, сынок. Быть может, тебе удастся что-нибудь выяснить.

Видя мой порыв, Ариадна удержала меня.

— Но лучше дождись утра, ибо ночь — плохое время для поиска. Дождись утра, Дионис. Я выделю тебе часть своих рабов, которые хорошо ориентируются на местности некоторые из них когда-то служили на финикийских кораблях.

— Благодарю Вас, — произнёс я, — действительно, лучше дождаться утра. Я обязательно дождусь, когда боги осветят этот мир и найду свою мать.

Она тяжело вздохнула, вновь утёрла очередную слезу, скатившуюся со щеки, с сочувствием похлопала меня по плечу.

— Как жаль, что Агапия нет, и он ещё не знает, какая беда постигла вашу семью.

Я ничего ей не ответил, и в тот день рано лёг спать в общей зале среди красивых амфор, приобретённых отцом когда-то в Дельфах сразу же после очередных Олимпийских Игр. Здесь, в просторной зале, где когда-то собиралось всё наше семейство целиком, я чувствовал себя как-то спокойнее.

Утром я поблагодарил соседку за помощь, но отказался от рабов, я решил поехать в Афины и всё сам разузнать.

— Пусть дорога станет открытой для тебя, Дионис, — произнесла Ариадна, преподнеся мне прощальный фиал с лёгким вином, как и положено по традиции и этикету. Мы, греки, чтим свои традиции, уважаем предков и поклоняемся нашим богам.

Это в будущем недалёкие люди нарекут нас «язычниками» и постараются смести с лица Земли всё, чему мы покло-

нялись, не вникая особо в нашу культуру и быт. Но мы жили в том мире, который создали для себя сами, существуя по заветам наших предков.

Сахиб всё утро была как-то по-особенному молчалива и грустна. Я коротко простился с ней, хоть она и ожидала большего, привыкшая улавливать мою благосклонность к ней. Возможно, она хотела, чтобы я взял её с собою в Афины, и взглядами, и поведением своим всячески намекала мне на это, не решаясь сказать напрямую.

Я дал понять, что она останется в доме, лишённого хозяев, в то время, пока я буду отсутствовать.

— Присматривай за рабами и жди меня, — произнёс я, вскочил на коня и устремился вдаль. Только в пути я понял, что так хотел поцеловать её, но не сделал этого, обеспокоенный грядущими событиями и той бедой, которая так неожиданно свалилась на мои плечи.

Я хотел разыскать мать до того времени, как возвратится отец из своего странствия, хотя и понимал всё безрассудство своей идеи. Мой конь нёсся так быстро, что долины и холмы мгновенно проплыли перед моими глазами.

Впервые я не замечал этой красоты, в то время, как раньше всегда любовался природой и думал, что, возможно, по этим холмам когда-то проходил сам Дионис или Пан, а в этих неглубоких речушках могли обитать nereиды, только я никогда не видел их.

Когда Солнце уже сияло в центре неба и освещало холмы

и луга, я натянул поводья, взглянул на белеющие в низине храмы Афины и Аполлона.

Оказавшись в Афинах, я был поражён обилием людей, снующих туда-сюда вдоль городской площади, рынка и неровных улочек, множеством статуй и храмов с золотыми изваяниями покровителей этого города. Афиняне всегда поклонялись Аполлону и благородной Афине, не жалея золота для изваяния статуй этих божеств. Уличные бродячие музыканты слагали целые поэмы об этих божествах и прямо на виду у всех пели баллады, собирая вокруг себя зевак, готовых платить за музыку и пение.

О, вы, прекрасные музы,
Что водят хороводы
На склонах лесистого
Геликона,
И воспевают Великого Аполлона,
Дочери Зевса и Мнемосины,
Пропойте славу
Спутника своего.

Даже не Олимпе великом
Воцаряется тишина,
Когда туда нисходит
Аполлон,
Даря этому миру своё сияние
Радость.

О, великие Орфей и Лин,
Пропойте мне славу
Вашего отца —
Божественного Аполлона.

Я заслушался и совсем не заметил маленького воришку, пытавшегося вытащить из моей котомки еду.

Я поймал мальчишку, тот жалобно посмотрел на меня, оценив мою силу.

— Отпусти меня, господин.

На его плече было выжжено клеймо.

— Ты — беглый раб? — спросил я.

Мальчишка попытался дёрнуться, но я удержал его.

— Как твоё имя?

— Галактион, — ответил он, всё ещё недоверчиво разглядывая меня.

— Откуда ты?

— Мой хозяин входит в Совет Ареопага, его имя Ираклий, — произнёс мальчишка, уже опустив руки и оставив попытку отнять мою дорожную котомку с едой.

Я был очень удивлён.

— Неужели он так беден, что ему нечем кормить своих рабов?

— Он просто ненавидит меня, потому что моя мать до того, как умерла, отказалась принадлежать ему.

— Ты часто бываешь в этом порту?

Мой взгляд упал на сверкавшую на Солнце воду и на го-

товящийся к отплытию корабль. Паренёк кивнул.

— Да, господин, я убегаю сюда в надежде добыть немного еды и вдохнуть воздух свободы.

— Значит, ты видишь всё, что здесь происходит?

Он вновь кивнул.

— И вчера ты был тоже здесь?

— Да.

— Может быть, ты видел финикийский корабль, заплывший в этот порт?

— Два корабля, — произнёс Галактион, — вчера здесь было два корабля из Финикии. Я сразу приметил их по изображённому на парусах «Глазу гора».

Я протянул ему свою котомку, куда заботливая Ариадна положила испечённый накануне хлеб и свежий сыр.

— Держи. Расскажи, что ты видел вчера здесь.

Увидев еду обалдевшими от радости глазами, паренёк начал быстро есть сыр вперемежку со свежим испечённым хлебом. Я терпеливо ждал, испытывая жалость к этому мальчику. Вероятно, подобная награда перепадала ему довольно редко. Наконец, Галактион насытился и был готов рассказать мне то, что сам видел здесь накануне.

— Я наблюдал за тем, как один рослый моряк, одетый, как египтянин, показал какой-то довольно красивой женщине-гречанке кольцо из алмазов. Это заинтересовало женщину. Но ей было сказано, если она хочет приобрести это украшение дешевле, чем у обычных торговцев-ростовщиков, ей

следует подняться на корабль.

— Ты не можешь мне сказать, как выглядела эта женщина? — спросил я.

Паренёк почесал затылок, как бы припоминая что-то.

— Ну, она была хороша собой, стройная со светлыми волосами, как у обычных аристократок, и сначала я подумал, что она афинянка, а затем я увидел браслет на её запястье. Такие браслеты носят женщины из соседних районов, живущие в сельской местности. Афинянки обычно одеваются более вычурно, чем она. На ней, кажется, был голубой химатийон, который гармонировал с цветом её глаз. Я никогда не видел таких красивых афинянок здесь.

— А ты разбираешься в женской красоте? — произнёс, я — и что же было дальше?

— Ей понравилось кольцо, и она пошла на корабль вместе с этим подозрительным типом, хотя ещё тогда я подумал, что она зря делает это.

— Почему ты так подумал, Галактион?

Он пожал плечами.

— Иногда меня посещает предчувствие.

— И давно? — осведомился я.

— Давно, — мрачно ответил Галактион.

— Хорошо, рассказывай, что же было дальше?

— Затем поднялась суматоха, я слышал крики изнутри корабля, именно куда ушла красивая гречанка.

— И ты не позвал на помощь?!

Моё возмущение было таким явным, что паренёк вздрогнул.

— Я хотел, но...

— Говори!

— Я увидел моего хозяина Иллариона там впереди, — Галактион показал вдаль, — он шёл очень быстрым шагом вместе с каким-то человеком. Вероятно, он хватился меня, так как накануне он приказал посадить меня на цепь, а перед этим два здоровенных бугая выпороли меня так, что до сих пор спина болит.

Галактион показал мне кровавые следы от плетей; я ужаснулся, увидев это зрелище.

— Твой хозяин всегда обижает таких, как ты? — спросил я.

— Всегда. Он плохо нас содержит и совсем не заботится. Но всё ему сходит с рук, потому что он — член Ареопага.

— А-а, тогда понятно.

Я заметил заинтересованный взгляд своего случайного собеседника.

— Господин, для чего Вы спрашиваете меня? Эта красивая гречанка — Ваша родственница?

— Она — моя мать, — отрезал я, — и теперь я совсем не знаю, где её искать и что мне делать.

В порту возле торговцев рыбой произошла какая-то суматоха, мальчишка весь задрожал и показал на толпу людей, впереди которых я заметил здоровенного детину в жёлтом

хитоне. У него был властный вид; и, если б я не являлся свободным гражданином Афинского Полиса, я бы тоже испугался этого человека.

— Извините, господин, я должен бежать. Это — мой хозяин Илларион. Если он меня здесь увидит в такое время, он с меня шкуру сдерёт.

Я не успел опомниться, как паренёк исчез, прихватив, кстати, с собой мою котомку. Мне вдруг стало досадно, я был голоден, потому что совсем забыл о себе. Я не знал, куда идти.

Вдруг в той самой толпе, на которую указал Галактион перед тем, как исчезнуть, боги знают, куда, я заметил Софокла. Софокл являлся моим соклассником у Фалеса, но к учёбе не питал ничего кроме отвращения, и, если б не богатенькие родители, тоже члены Ареопага, он ни за что бы не стал учиться.

Софокл был высоким рослым юношей моего возраста, отличавшийся одновременно силой и изяществом, и по всему являлось очевидным, что он так хотел подражать богам и знаменитым героям «Трои», и это ему, между прочим, вполне удавалось.

Я сам не заметил, как приблизился к толпе, люди что-то горячо обсуждали. Заметив меня, они замолчали и подозрительно посмотрели в мою сторону.

— Эй что ты здесь делаешь, бродяга! — воскликнул тот, кого называли Илларионом.

Только в тот момент я более внимательно всмотрелся в его грубое лицо.

— Я не бродяга, господин.

— А кто же ты? Говори!

— Свободный гражданин Афинского Полиса, моё имя — Дионис.

— Дионис... вполне романтично, — усмехнулся хозяин Галактиона, — а теперь иди своей дорогой, Дионис, и не мешай государственным мужам обсуждать то, что они считают нужным.

Софокл подошёл ко мне и улыбнулся. Мы обнялись.

— Ты ли это, Дионис? Какими судьбами здесь, в Афинах?

— По делам, — коротко ответил я.

Мне совсем не хотелось рассказывать свою историю перед этими высокомерными людьми. Но в этот момент Софокл неожиданно обратился к председателю собрания — маленькому старичку в сером хитоне.

— Это — мой приятель. Он со мной.

Мы отошли в сторону.

— Что здесь происходит? — спросил я, всё ещё оглядываясь на толпу.

— Сегодня утром здесь в порту нашли убитого раба. Они думают, его выбросили с корабля финикийцев, который, стоял здесь накануне.

Я напрягся.

— Так, значит, они всё видели?

— Нет, увы, никто ничего не видел, Дионис. Просто... окровавленный труп раба самого архонта Афин — это уж слишком. Финикийцы совсем обнаглели, и пора бы им дать отпор.

Я сжал кулаки:

— На том корабле... на одном из них была моя мать. Они хитростью заманили её, чтобы продать в рабство.

Софокл долго молчал, видимо, обдумывая полученную только что информацию, затем похлопал меня по плечу.

— Приятель, кажется, я знаю, что тебе сейчас так необходимо, — произнёс он.

Я с удивлением уставился на него. Действительно, Софокл так сильно напоминал мне бога Аполлона, каким его изображали на статуях многие знаменитые скульпторы Афин. У меня даже сложилось впечатление, что он неоднократно позировал мастерам, потому что каждая линия его тела была безупречна.

Впрочем, как мне говорили, и я мог бы служить моделью для божества, но я никогда не считал себя совершенством в отличие от Софокла, которого выделяло некоторое высокомерие и тщеславие, что бывает характерно для детей чиновников приближённых к архонту.

— И что же мне нужно, Софокл? — спросил я.

— Идём со мной, Дионис. Я познакомлю тебя с одной красавицей-гетерой, уж она-то сможет развеять твою печаль.

— О чём ты, друг? Именно сейчас мне нужно решить мою

проблему, а не искать её на дне фиала.

Брось, Дионис, пара глотков добротного вина тебе не повредит.

В тот день я подчинился Софоклу, потому что действительно чувствовал себя потерянным и не знал, что делать. Я даже не мог вообразить себе, что моя мать находилась в руках этих грубых и хитрых финикийцев, я всякий раз отталкивал от себя видение, как она стоит на подмостках для продаж рабов, и какие-нибудь грубые мужланы оценивают качество её зубов и фигуры, словно, высматривают породу скаковой лошади. Я тут же отверг эту мысль; я не хотел думать о том, что может произойти в дальнейшем.

Гетеры обычно не отличались особой красотой. Они коротко стриглись, красили волосы в ярко-рыжий цвет, ублажали мужчин и вели себя очень развязно по сравнению с чопорно-строгими афинянками. Эти девушки сразу же бросались в глаза, потому что неспешной походкой прохаживались вдоль стены, где горожане помещали свои объявления, и можно было себе найти «подходящего клиента». Здесь же можно было видеть, какая из гетер «пользовалась спросом», а какая была в опале. Однако та девушка, с которой познакомил меня Софокл, сильно отличалась от своих подруг, прежде всего, красотой. В отличие от остальных «типичных гетер», больше похожих на юных мальчиков, знакомая Софокла носила длинные волосы, и они были белокурыми, как у самой Афродиты.

Тонкая талия резко выделялась на фоне широких бёдер; гречанки вообще обладают более массивными телами в сравнении с изящными египтянками или персиянками. Возможно, это связано с тем, что мы, греки, любим напряжение, суровый труд в отличие от изнеженных иноземок.

Её звали Дорифорой, и, увидев меня, гетера протянула мне полный фиал с вином.

— Испей его, милый Дионис, — произнесла красавица и увлекла меня за собой.

Что касается Софокла, то он предпочёл проводить время с подругой Дорифоры, точно такой же широкобедрой красавицей с густой копной иссиня-чёрных волос. Её звали Панопия, и она действительно обладала красивым голосом, о чём говорило её имя.

Помню, в тот вечер Панопия долго и самозабвенно пела под звуки дудочки, извлекаемые рабыней; помню, что я выпил много вина, и у меня сильно кружилась голова.

В ту ночь я был впервые близок с женщиной в роскошном жилище Дорифоры. Я помню её нежные пальцы, руки, которыми она обвила мои плечи; я помню то телесное наслаждение, которое испытал, а затем было мимолётное оцепенение и забытьё. Перед тем, как забыться и провалиться в долгий сон, я подумал о том, что впервые стал мужчиной, и был близок вовсе не с гетерой Дорифорой, а с самой Афродитой, соблазнившей меня.

Облик красавицы Сахиб померк в ночи, а под утро я ис-

пытался то, что называется раскаянием, потому что именно тогда я понял, что всё это время я любил персиянку Сахиб, я относился к ней совсем не как к рабыне, а как к богине. Я чувствовал себя предателем, и на душе стало досадно.

Пение Дорифоры разбудило меня. Обнажённая с разбегу, она бросилась в чистые воды бассейна и поплыла, наслаждаясь этими освежающими водами среди нарождающегося знойного афинского дня. Увидев меня, Дорифора помахала мне рукой и воскликнула:

— Эй, Дионис, иди сюда, ко мне! Здесь так чудесно!

Через минуту я оказался рядом с ней, чтобы вновь слиться в объятиях с Афродитой. Яркое солнышко Афин уже начало припекать, когда я вышел из дома Дорифоры, расплатившись с гетерой всем, что у меня было под рукой. Это были те средства, которые я взял с собой в поездку, надеясь напасть на какое-нибудь торговое судно, чтобы затем договориться выволить мою мать. Теперь этих денег у меня не было, я чувствовал себя полным ничтожеством, несмотря на то, что Дорифора настаивала, чтобы я к ней приходил.

— Мы, гетеры, служанки Афродиты, не вправе выбирать своих клиентов тех, кому мы подарим своё тело, — произнесла она за завтраком, когда её рабыня крепкая низкорослая египтянка-нубийка, пыталась подложить в блюдо на столе ещё больше оливок. Я любил оливки, но, осознав вдруг своё безрассудство, впервые испытал к ним отвращение.

Помню, как будучи ребёнком, я впервые попробовал их

из рук моей матери.

— Дионис, — произнесла она тогда, — мой дорогой сын, запомни, эти оливки — дары Богини Геи, которыми она благословила нас, жителей Греции.

Я помню, как впервые испытал восторг от этих удивительных плодов. И вот теперь они стояли передо мной в роскошной вазе, и я даже не хотел к ним прикасаться. Дорифора улыбалась мне в лучах ясного полуденного Солнца.

— Гетера не вправе выбирать своих клиентов, — вновь произнесла она, — но я бы предпочла забросить своё ремесло и остаться с тобой.

— Остаться со мной?

— Да, ты хорош, как сам Аполлон. Какая женщина, достойная называться женщиной, обошла бы тебя стороной? Ты ещё недостаточно опытен в плотских утехах, и тем не менее, мне было бы хорошо с тобой, как ни с кем.

— А где же Софокл со своей подругой? — спросил я, стараясь перевести разговор на другую тему.

Дорифора пожала плечами:

— Возможно, готовится посетить театральное представление. Сегодня архонт устраивает театральное представление для свободных граждан Афин. Я хочу, чтобы ты сопровождал меня туда.

— Я не могу. Прости, Дорифора.

Она надула губки и сделала обиженный вид, рабыня-нубийка начала натирать её стройное совершенное тело мас-

лом.

— Я думаю, Дионис, что я так же нравлюсь тебе, как и ты мне, — произнесла гетера, — если хочешь, возьми свои деньги и дары обратно, я бы ничего не хотела с тебя брать.

— Нет, я не должен идти. О дарах не беспокойся, я благодарен тебе за эту ночь.

— Хотя большего обещать не можешь?

Она встала, подошла ко мне и испытующе посмотрела на меня.

— Не можешь, ведь так?

Я опустил голову, не желая продолжения этого разговора.

— Быть может, у тебя уже есть возлюбленная где-то?

Я не ответил, на миг перед моим внутренним взором встало прекрасное лицо Сахиб и тут ж исчезло.

— Хорошо, иди, дорогой. Однако не забывай обо мне. Если будешь в Афинах, заглядывай в дом Дорифоры, знай двери этого дома всегда для тебя открыты.

— Спасибо.

Войдя за ворота, я обнаружил стоявшего возле них вчерашнего моего нового знакомого. Галактион с виноватым видом протянул мне мою котомку.

— Простите меня, господин, я был очень голоден, а грозный вид моего хозяина не обещал ничего хорошего.

Я взял пустую котомку.

— Не называй меня господином, друг. Мы почти ровесники с тобой.

— Умоляю, выкупите меня у моего хозяина, я буду служить Вам.

Я усмехнулся неожиданной просьбе Галактиона.

— Теперь мы оба бедны с тобой. Если ты пойдёшь со мной, обещаю, однажды я выкуплю тебя для того, чтобы сделать свободным. У меня кое-что осталось из средств.

Он обрадовался и улыбнулся мне.

Глава 3. Чужая Земля

*«Иди вперёд, пророк,
иначе пророчества твои
не сбываются,
и ты не сможешь стать
указующим светочем
для остальных.
Когда мудрый спит,
все бодрствуют,
и наоборот».*

*(Неизвестный философ Древняя Греция, 8.в. до н. э.
«Наставления ученикам»)*

Сахиб приготовила новую одежду для Галактиона. Сначала подросток испугался вида персиянки, потому что в течение долгих лет шла давняя вражда и противостояние с Великой Империей Ахеменидов.

— Успокойся, друг, — произнёс я, похлопав его по плечу и потрепав по кучерявым волосам, — Это — Сахиб. Она... она — рабыня в этом доме, но скоро я освобожу её.

Говоря это, я смотрел в глаза девушке, она смутилась, потупила свой взор и пошла исполнять моё поручение. Оно заключалось в том, чтобы привести в порядок Галктиона, и из обтрёпанного чумазого чертёнка превратить его в нормального греческого мальчика-подростка.

Я видел, как покраснел Галактион.

— Она, эта чужеземка, будет мыть меня? — спросил он.
Я рассмеялся:

— А-а, я и забыл, ты, оказывается, умеешь стесняться. Но не обижайся на мои слова, Сахиб только подогреет воду, а мыть тебя будет старик Артемий — он давно служит в этом доме и очень предан моим родителям. Можно сказать, он является членом нашего семейства, — я грустно вздохнул, — правда, от бывшего семейства и славы этого дома почти ничего не осталось.

— Почему? — заинтересовался моими словами Галактион.

— Отец уехал, мать..... я не знаю, где она сейчас, и что с ней. Сестра вышла замуж за того, кого совсем не любит, а Диоклет отправился в Дельфы, чтобы готовиться к новой Олимпиаде.

— Диоклет — это твой брат? — спросил Галактион, плавно перейдя «на ты». Я был рад тому, что мальчишка начал доверять мне.

— Да.

— Так он — участник Олимпийских Игр?

— Да, Диоклет уже одержал несколько побед в борьбе и в беге.

— Должно быть, ты очень гордишься своим братом? — спросил он.

— Это так, но сейчас меня волнует другое, я должен найти мать и освободить её из финикийского рабства. Я хочу сде-

лать это до того, как мой отец Агапий возвратится в гавань.

В дверях возник Артемий в длинном химатии. Он поклонился мне и взглянул на чумазого Галактиона.

— Откуда здесь взялся этот слуга Ада? — спросил старик.

— Из Афин, — подыграл я ему, — но скоро ты сделаешь из него обычного греческого гражданина.

— Я — раб, я — не гражданин, и в любую минуту меня может хватиться мой хозяин Илларион.

— Я же сказал, что освобожу тебя, глупец. Завтра мы отправимся в Афины, и я заплачу выкуп за тебя.

— А как же твои родители? Они не будут против «такого приобретения»? — усомнился «слуга Ада».

— Не думаю. Они всегда питали сочувствие к рабам и привили это отношение и своим детям, — ответил я.

Артемий подтолкнул Галактиона к выходу, вновь поклонился мне.

Было ясно одно — придётся потратить ещё один день в Афинах, чтобы утрясти вопросы, связанные с Галактионом. Если этого не сделать, его хозяин может написать жалобу в Совет Ареопага, и тогда меня могут осудить за похищение чужого раба, и заставят заплатить большой штраф.

Я не хотел обострять отношений с архонтом, к тому же, мой отец всегда пользовался благосклонностью Дамасия. Это был высокий светловолосый человек, всегда присутствующий на Афинских празднествах и исполняющий традиции полиса. Однако в последнее время у него возникли серьёз-

ные разногласия с членами Ареопага.

Однажды после возвращения из очередной поездки вместе с отцом я вручил ему огромную раковину диковинного древнего моллюска, добытую мною на морском дне Индийского Океана.

Помню, Дамасий был приятно поражён и сказал, что отныне я заслужил его расположение. Мне был подарен перстень, какие носили почётные горожане Великих Афин. Перстень я не носил, но пообещал себе, что завтра непременно одену его, это поможет мне договориться с Илларионом о выкупе его раба.

Пока Галактион отсутствовал, я выпил немного вина и позвал Сахиб. Отныне после ночи, проведённой мною с гетерой Дорифорой, я заметил, что стал смотреть на женщин совсем иначе, чем раньше. Раньше я воспринимал каждую женщину, как дочь Великой Богини-Матери, имеющую качества божества; теперь же я видел тонкую талию, широкие бёдра персиянки, возбуждавшие во мне плотские низменные желания, и было в этом что-то грязное, животное, незнакомое мне до любовных утех с гетерой. Я стал мужчиной, и отныне я сильно желал обладать Сахиб, однако сдерживал себя..., ибо лишь любовь способна сдерживать, щадя её чувства..., чувства той, которая стала для меня всем на свете.

Сахиб в тот вечер была какой-то задумчивой и немного отчуждённой, как мне показалось. Я протянул ей фиал с вином, она пригубила, удивлённо глядя на меня.

— Мне нужен твой совет, — сказал я, тем самым ещё больше удивил её, ибо раньше никогда не спрашивал советов у рабыни.

— Господин, у Вас есть невеста в Афинах, чтобы давать Вам советы, — произнесла персиянка.

Я вспомнил, ещё до Полнолуния родители решили справить мою свадьбу с дочерью приближённого к архонту чиновника Кларой. Мы даже ездили к ним. Девушка мне понравилась, но и только. Она была скромна, стройна и молчалива — то качество, которое так ценится в жёнах-гречанках. Она поклонилась мне и удалилась.

Родители были очень довольны Кларой; был даже оговорён день нашей свадьбы — через неделю после празднования Дня Быков. Всё это время я думал о Сахиб, мои мысли были там, где она гуляла возле фонтана, куда она так любила ходить — в помолвке участвовало лишь моё тело, но не душа.

— Невеста? — спросил я, вспомнив всё это.

Миленький образ моей невесты был тут же стёрт и замещён красивой смуглокожей дочерью Азии.

— Ты говоришь о Кларе?

Сахиб пожала плечами:

— Наверное, она скоро войдёт хозяйкой в Ваш дом, господин, — грустно произнесла Сахиб, наполовину опустошив свой фиал с вином. Она пила медленно, как бы задумчиво. О чём она думала тогда? Я сжал её руку в своей.

— Признайся, ведь, ты же не хочешь этого, Сахиб!

— Какое это имеет значение, господин? Я — всего лишь, Ваша рабыня, подаренная царём Киром II Вашему отцу. Я не имею голоса, я должна подчиняться и исполнять желания моих господ.

— Нет, не то, не то...

Страсть запылала в моём сердце, я притянул к себе её худенькое тело, она была очень слаба и вся в моей власти.

— Даже в сердцах рабов живёт любовь, я слышал об этом. Любишь ли ты меня, Сахиб?

Она вдруг покраснела до корней волос, встала и хотела удалиться.

— Подожди, я...я хочу ехать в Финикию, чтобы вызволить из рабства мою мать, ведь ты уже слышала об этом несчастье, постигшем этот дом.

— Да, — едва слышно произнесла девушка, — какого же совета Вы ожидаете от меня, господин?

— Как ты думаешь, стоит ли мне отправляться тотчас на рассвете или...или, быть может, дожждаться отца из Индии?

Она молчала, наблюдая за тем, как две тонкие струйки фонтанчика изрыгались из пасти рыбы и соединялись с водой в бассейне. О, если б она скинула свои одежды и бросилась в этот бассейн! Но она стояла и думала, как будто, над чем-то. Я ждал, видя, как напрягаются соски на её грудях, едва просвечивающих через хитон.

— Я думаю, Вам следует дожждаться отца, господин. С бе-

дой легче справляться вдвоём, чем в одиночестве.

Моя мудрая Сахиб, если б ты только знала, как я люблю тебя! Но мог ли я тогда признаться ей в этом? Она сочла бы мой искренний порыв за блажь, какая иногда посещает господ-аристократов и рабовладельцев. Но вряд ли Сахиб подчинилась бы мне, даже если б я на правах господина решил стать её возлюбленным. Её гордость подхлёстывала меня и заставляла постоянно думать об этой необыкновенной персидской девушке.

— Ты можешь идти, — сказал я, не желая больше искушать себя её присутствием.

Как бы я хотел, чтобы она полюбила меня по-настоящему, а не просто подчинилась, как любая рабыня, пусть и самая совершенная телом, подобная Афродите.

Я остался один, затем скинул хитон и с разбега бросился в бассейн, пытаюсь охладить свой пыл. Решение было принято. Я дождусь отца, а затем мы вместе с ним отправимся в Финикию и обязательно разыщем там мою мать.

Увы, скоро Праздник Быков, и должна будет состояться моя свадьба на Кларе... В то время в Афинах на стадионе все почти свободные граждане и даже рабы собрались на театральное представление. Архонт восседал на почётном месте, окружённый своими чиновниками и ораторами. Показывалась пьеса «Одиссей», хотя я не очень всматривался в игру актёров. Требовались недюжинные силы, чтобы выдержать весь спектакль целиком, и часть зрителей уходила на рынок,

чтобы прикупить себе еды у уличных торговцев.

Я не мог не пойти на представление на следующий день, так как планировал разыскать там Иллариона — хозяина Галактиона, и договориться с ним о выкупе. Мой новый приятель увязался за мною и постоянно дёргал меня за руку, когда на сцене происходило что-то необычное, или появлялись новые декорации.

— Эй, смотрите, господин, это — море! А скоро здесь возникнет корабль, на котором плыл сам Одиссей! — воскликнул паренёк.

— Не называй меня господином, я хочу выкупить тебя, чтобы дать тебе свободу.

— Свободу?

Парень был удивлён, и как мне показалось, немного опечален.

— Но...как же, господин...Я не привык к свободе.

— Придётся привыкать.

— Вы возьмёте меня с собой в плавание?

— Неужели ты хочешь покинуть милые Афины и эти храмы, в которых можно созерцать богов во всём их великолепии?

— В Афинах я познал рабство во всём его великолепии, — буркнул Галактион.

Я осмотрел его худую фигуру и неразвитые мышцы.

— Но ты ещё достаточно слаб, а там за пределами Эгейского моря могут возникнуть разные опасные ситуации.

Неужели ты не боишься?

— Нет, не боюсь.

Мальчик со всей искренностью посмотрел на меня и улыбнулся.

— Хорошо, скоро мы поплывём на кораблях моего отца, и я обещаю тебе, ты увидишь Край Света.

— Край Света? А он существует? — удивился юноша.

— Ты сам всё увидишь, приятель.

Вдруг к нам присоединились какие-то две гречанки с зонтиками в руках от палящего Солнца знойных Афин. В одной из них я узнал гетеру Дорифору в великолепном розовом химатии; другой оказалась её подруга с короткой стрижкой, как у всех гетер, дико озирающаяся по сторонам.

Я немного смутился, потому что Дорифора напомнила мне о вчерашней ночи и о ...моём предательстве.

— Что ты здесь делаешь, красавчик? Неужели решил пойти в театр, как и сам архонт Дамасий и его окружение?

— У меня здесь дело, — коротко ответил я.

Галактион покосился на гетер, затем на меня. Вряд ли он думал в тот момент о сыре и хлебе.

— Может быть, на время сядем в другом месте, я хочу поговорить с тобой, — прошептала Дорифора. Она показала мне свою тонкую шею, на которой красовалась золотая цепочка с нефритами.

— Видишь, сегодня я одела твой подарок, — сказала она.

Мы немного отделились от толпы и отсели на следующий

ряд, где народу было чуть меньше, и все зрители были увлечены пьесой. Я дал знак Галактиону, что скоро вернусь.

— А знаешь, почему я одела твой подарок, Дионис?

Дорифора выглядела такой трогательной, что я обнял её.

— Тебе он идёт.

— Я одела это украшение в знак того, что я занята для остальных, что выбираю тебя, потому что...потому что полюбила тебя, сын торговца.

— Знаешь, что говорил мой учитель, великий Фалес по этому поводу? — спросил я, наблюдая за красавицей гетерой.

Она улыбнулась и пожала плечами.

— Откуда я могу знать, что говорил Фалес?

— Он говорил: «Люди привыкли любить друг в друге лишь «одежду», внешнюю оболочку, а не внутренний мир, душу».

— Значит, ты любишь во мне лишь мою «оболочку»?

— Это правда, ты красива, Дорифора, но я люблю другую.

— Другую? И...кто же она? — обиженно произнесла гетера.

— Она иноземка рабыня...и живёт в нашем доме.

Со сцены донеслись реплики Одиссея, продолжавшего свой рассказ о дальних странствиях.

...Кончил.

Ему ответ

Сказал Одиссей богоравный:
«Царь Алкиной
Благородный муж
Из мужей феакийских,
Сладко внимание
Своё нам склонять
К песнопевцу,
Который слух наш пленяя,
Богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что
Великая сердцу утеха видеть,
Как целой страной
Обладает веселье;
Как всюду сладко пируют в домах,
Песнопевцам внимая;
Как гости рядом по чину
Сидят за столами,
И хлебом, и мясом,
Пышно покрытыми,
Как из кратер
Животворный напиток
Льёт виночерпий,
И в кубках его опенённых разносит.
Думая я,
Что для сердца ничто
Быть утешней не может.
Но от меня о плачевных страданиях
Моих ты желаешь
Слышать,

Чтоб сердце моё исполнилось
Плачем сильнейшим:
Что же я прежде,
Что после,
И что, наконец,
Расскажу вам?
Много Ураниды,
Боги мне бедствий
Различных послали.
Прежде, однако, вам имя своё назову,
Чтоб могли вы знать обо мне,
Чтоб покуда ещё мной не встречен
Последний День,
И в далёкой стране
Я считался вам гостем любезным.
Одиссей, сын Лаэртос,
Везде изобретеньем многих
Хитростей славных
И громкой волной
До небес вознесённый.
В солнечной Итаке живу я;
Там Нерион, всюду видимый с моря,
Подъемлет вершину лесистую
Много там и других островов,
Недалёких один от другого.
Зам и Дулихий, и лесом богатый Закиф;
И на самом западе
Плоско лежит окружённая морем Итака.
(Прочие ближе к Пределу,

Где Эос и Гелисо всходят),
Лоно её каменисто,
Но юношей бодрых питает;
Я же не ведаю края
Прекрасной и милой Итаки...

Артист на сцене закончил свой монолог и сделал паузу. Пауза имеет очень большое значение, так как зритель начинает вдумываться и оценивать то, что он только что увидел.

Дорифора приподнялась и всмотрелась в актёра. За массивной маской не было видно его лица, однако он был рослым, крупным, как атлет, возможно, участвовавший в Олимпийских Играх.

Кстати, я слышал, большинство актёров для спектаклей набиралось именно из бывших участников Олимпийских Игр, рабов, тех, кто обладал отменным здоровьем и имел неплохую память.

— Ты говоришь, что испытываешь любовь к рабыне-иностранке, живущей у тебя в доме, — произнесла гетера, — не потому ли ты бежишь от неё в Афины? Быть может, здесь, в городе Богини-Воительницы у тебя свой интерес? Скажи мне, Дионис, и я пойму тебя, как, возможно, не понимает тебя твоя рабыня.

В словах и интонации Дорифоры звучали нотки ревности.

— А, может быть, ты питаешь интерес к этому юноше, что так озирается по сторонам и ждёт, когда ты присоединишься к нему?

— О, оставь свой тон, прекрасная Дорифора. Женщине никогда не нравится, если мужчина откровенен с ней и говорит о чувствах, испытываемых им к другой.

— Разве ты так знаешь женщин? А мне казалось, что я была у тебя первой.

Упрёк гетеры ничуть не задел меня, я понимал, она была уязвлена моим признанием. И потом, женщины, действительно, непонятные и загадочные существа, вряд ли когда-нибудь я смогу понять их, как не понимал ни мой отец, ни наставник, ни учитель, ни любой другой.

Я поцеловал руку моей недавней возлюбленной. Если б в ней была та же глубина, что и в Сахиб; если б я никогда не знал Сахиб... Я полюбил бы Дорифору, даже несмотря на то, что родители никогда бы не одобрили моего интереса.

Однако судьба поступила иначе; Фортуна, вообще, вмешивается в наши жизни, не спрашивая нас, хотим ли мы этого или нет.

Мне суждено было полюбить Сахиб, эту загадочную персидскую рабыню, случайно попавшую в дом моих родителей; правда, я сам недавно осознал то чувство, которое испытывал к ней на протяжении всех этих лет. Оно как бы исподволь росло и развивалось в моём сердце подобно нежному растению. О, боги, почему любовь причиняет столько страданий!

— У меня здесь, в Афинах, действительно свой интерес, Дорифора, — сказал я, всмотрелся в почётные места, предназначенные для архонта и его приближённых. Иллариона

среди них не было.

— Интерес? Какой же?

— Ты видела уже того мальчика, с которым я приехал сюда, но...это — лишь мой друг и не более того. Он является рабом одного человека, приближённого к архонту. Я хотел бы выкупить его.

— Но все приближённые сейчас там, возле Дамасия на спектакле, — сказала гетера и тоже посмотрела в сторону почётных мест.

— Однако его там нет.

— Как же имя этого человека?

— Его зовут Илларион. Ты не знаешь его?

Лицо гетеры просияло.

— Да, знаю, у него сегодня симпозион, я приглашена. Наверное, он отсутствует, потому что в его доме ведутся приготовления. Илларион не хочет ударить лицом в грязь перед Дамасием.

— А разве архонт тоже будет на симпозионе? — спросил я.

— Конечно, наш Дамасий любит такие мероприятия. Но если хочешь, я проведу тебя туда.

Дорифора лукаво улыбнулась мне.

— Так ты хочешь пойти на этот симпозион, чтобы договориться с хозяином насчёт выкупа мальчишки??

— Хочу.

— Но это не бесплатно, дорогой.

— Что я должен буду сделать?

— Провести со мной эту ночь.

Пока я раздумывал над её словами, она припала к моим губам; поцелуй затянулся, и я заметил, что некоторые зрители вместо сцены стали поглядывать на нас.

* * *

.....Симпосион проходил в торжественной обстановке. Я оставил своего друга Галактиона в доме гетеры на попечение её рабыни Зейнаб, нубийки по происхождению. Меня позабавил тот факт, что, когда Галактион увидел чернокожую нубийку, он открыл рот и попятился назад, будто, увидел самого страшного демона.

— Не бойся, дорогой, — промурлыкала Дорифора, — она — не демон, а такой же человек, как и ты..... и кто знает, быть может, в наше отсутствие (при этом Дорифора подмигнула мне и сжала мою ладонь) вы найдёте друг с другом общий язык. Только особо не увлекайся моей Зейнаб. Помни, она принадлежит мне, и в ближайшее время я не собираюсь её освобождать.

Я рассмеялся, видя реакцию моего друга, и мне ничего не оставалось, как похлопать его по плечу, когда он пришёл в себя.

Гетера в облике прекрасноликой Афродиты танцевала уже перед нетрезвыми гостями, поднося им вино. Дамасий

уютно возлежал на почётном ложе и наблюдал за действием, творившимся в огромной зале. Илларион, я слышал, был богат и мог позволить себе «подобные мероприятия». Порой мне казалось, что архонт завидовал владельцу дома, его богатству, красавице жене, некогда выкупленной им на одном из невольничьих рынков Севера. Именно туда, как говорили, стекались все очаровательные девушки Греции, которых продавали в качестве рабынь в виднейшие богатые греческие дома.

Хозяйка дома была действительно хороша собой: длинные русые волосы ниспадали на её плечи плавными волнами, окутывая её стройные бёдра. Несмотря на рождение троих детей, она была всё ещё стройна и подвижна, как лань. Её звали Ариомена. Дамасий бросал на неё иногда полные сладострастия взгляды.

Сам хозяин вышел к гостям, чтобы поприветствовать их в свете многочисленных факелов залы, а затем скрылся по какому-то важному делу, чтобы затем появиться вновь. Кое-кто из гостей уединился возле фонтанов и предавался чувственной страсти, здесь было двое обнажённых юношей, предававшиеся друг с другом любовным утехам — явление довольно нередкое в Греции, поэтому никого не смущавшее и не вызывавшее отвращения.

Сначала был танец греческих девушек, прославляющих Афину, движения их были плавными, совершенными. Девушки были одеты в белоснежные хитоны и кружились, дер-

жа в обеих руках по лавровому венку — символу победы и воскрешения. Эти венки дарились победителю Олимпийских Игр и затем хранились долгое время в памяти об удаче и победе её обладателя.

Танец происходил вокруг огненного факела, будто, неожиданно выросшего из мраморного пола, будто, это был не факел, а огненный фонтан. Мы, греки, очень любим фонтаны и имеем особое пристрастие к воде. Говорят, мы плаваем не хуже дельфинов, и вода для нас — такая же родная стихия, как воздух для обычного человека.

Девушки-танцовщицы разделились на три круга, окружив собой огненный фонтан. Во время танца чуть в стороне пели музыканты под умильные звуки арфы. Когда танец окончился, на сцену вышла гетера Дорифора в длинном голубом хитоне, будто, недавно она выплыла из глубины огромного Океана, родившись из пенных брызг. Никогда я не видел раньше, как танцевала Дорифора, поэтому отвлёкся от своих мыслей и с интересом взирал на движения девушки. В руках она держала золотую чашу с вином, её широкие бёдра плавно покачивались, как будто, прекрасноликая Афродита призывала воссоединиться с нею в любовном экстазе. При этом она пела, и голос её звучал плавною волною. Это были стихи великой Сапфо, так почитаемые в Греции, в том числе, в Афинах.

...О, как боги в высоте небесной,

Счастлив тот, кто образ
Твой прелестный
Видит непрестанно
Перед собой,
Сладкий звук речей
Твоих внимает
И в улыбке губ твоих
Читает,
Как глубоко он любим тобой.
Лишь в уме твой образ пронесётся
Передо мной,
И в сердце вдруг забьётся,
На устах моих
Замрут слова,
И язык мой станет
Нем, как камень,
Пробежит по членам мерным пламень,
Вся в огне кружится голова.
Шум в ушах,
Туман застелет зренье,
И в тревожном трепете волненья,
На ногах не в силах я стоять,
Я холодным потом обливаюсь,
Как трава поблѣкшая
Склоняюсь,
Гасну, таю, не могу дышать...

...Дорифора низко поклонилась гостям, среди которых я заметил женщину средних лет, но всё ещё цветущую и уве-

ренную в себе. Выражение её лица вызвало мой интерес, потому что у обычных гречанок другие лица — либо полные сладострастия, либо задумчивые.

Пришёл Илларион, хозяин дома, его лицо сияло, он вышел в центр залы и низко поклонился гостям.

— А теперь разрешите мне представить вам мою знаменитую гостью. Поэтесса Сапфо!

Он взял её за руку и провёл к центру залы, чтобы все могли видеть её. На её стройной фигуре был розовый химатий, отчего её лицо казалось свежее и моложе. Я вспомнил, я видел её бюст в ликеуме моего учителя Фалеса, но признал её я только сейчас, потому что внешность Сапфо отличалась от её бюста. Сапфо загадочно улыбалась всем и была очень мила. Раздался гул аплодисментов, Дамасий привстал со своего ложа и, подойдя к Сапфо, поцеловал ей руку.

— Насколько я знаю, дорогая Сапфо, Вы уехали на Лесбос и проживаете там, окружённая своими многочисленными поклонниками.

— Да, это так, но я люблю путешествовать и иногда выезжаю за пределы Лесбоса. Афины — мой любимый город, и я решила приехать сюда. Мой поклонник и любитель моей поэзии досточтимый Илларион, пригласил меня сюда, и около недели я гощу у него, выхожу в сад и люблюсь розами и статуями богов, и тогда музы вдохновенья посещают меня.

— Так наш город навевает на Вас вдохновенье, уважаемая Сапфо?

— Да, и особенно танцы этих девушек, служительниц храма Афины Парфенос.

— Прочтите же нам Ваши стихи, прекрасная Сапфо.

— Вы их только что слышали, Дамасий.

— Но публика ждёт большего. Верно я говорю?

Дамасий обратился ко всем присутствующим здесь. Гости начали дружно восклицать, и эти возгласы распространились повсюду.

— Сапфо! Сапфо! Великолепная Сапфо, мы любим тебя!

Я тоже присоединился к гостям и дружно восклицал вместе с ними. Встретить саму Сапфо было великой честью для меня. Ради этого стоило присутствовать на симпозионе, несмотря на то, что сначала я не хотел здесь быть, потому что мне претило жеманство аристократов считавших себя выше и умнее всех.

Наконец, по знаку Иллариона в рале воцарилась тишина, и я услышал тихий запоминающийся голос Сапфо. Она читала стихи.

...На лире нежной
Сапфо прекрасная
Подругам пела
Песни любовные,
И ты, Алкей, в могучей песне пел
Об изгнание,
Войне и бедствиях.
И вас обоих в Аиде слушая,

Дивились, молча, тени
Подземные.

Блаженством равен
Тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит,
Как в истоме тая
И этих уст к его устам
Летит улыбка молодая...

Все заворожённо слушали, но я разыскал Дорифору, уже целующуюся с каким-то молодчиком, чтобы она отвела меня к Иллариону, как было условлено между нами раньше. Гетера подмигнула мне, оставила своего нового поклонника.

— Помнишь об уговоре, Дионис?

Конечно, я помнил.

— Хорошо, но я должен обязательно увидеть Иллариона. Дорифора всё ещё улыбалась.

— А ты уверен, дорогой, что твой мальчишка согласится идти с тобой после того, как я поручила его моей рабыне Зейнаб? Она сумеет развлечь его.

— Я хочу выкупить Галактиона вовсе не за тем, чтобы сделать его своим рабом, — произнёс я, — я хочу подарить ему свободу.

Дорифора обняла меня, я вслушивался в стихи Сапфо, и если б не моё дело, то, разумеется, дослушал бы их до конца.

— Тебе понравился мой танец, Дионис? — спросила гетера, — или ты всё ещё мечтаешь о своей персиянке-рабыне?

— Отведи меня к Илариону, и я сделаю всё, что ты хочешь, — был мой ответ.

Хозяин дома склонился над многочисленными свитками. Дорифоре пришлось постучать в стену, чтобы дать понять, что мы нарушили его уединение.

— Кто здесь?

— Это я, Дорифора, та что сегодня ты называл богинею Зари, когда я проснулась в твоей постели, господин.

Гетера поцеловала Иллариона. На её тонком изящном пальчике на этот раз засиял новый алмаз.

— Благодарю тебя за кольцо, — произнесла девушка, оно мне очень понравилось.

Илларион нахмурился, посмотрел на меня в свете двух горевших факелов. Здесь было темно, до даже в этой темноте я разглядел роскошное убранство залы. Возле стены красовались две амфоры с изображением атлетов. В третьей я узнал Ахилла с Патроклом, тусклый свет факелов отражался на стенках амфор. Здесь, также находилась статуя Венеры-Афродиты с обнажённой грудью, совсем такой же, как и у Дорифоры сейчас.

— Кто это с тобой? — спросил хозяин залы.

— Он пришёл сюда со мной, господин — сказала гетера,

— но у него к тебе дело.

— Моё имя — Дионис. Дионис, сын Агапия.

— Не тот ли это Агапий, что торгует пряностями и коврами из Персии? — спросил Илларион.

— Да, это он.

Илларион кивнул:

— Я знаю Агапия, много раз я покупал у него товар, и вполне доволен его качеством. Так какое у тебя ко мне дело, юнец?

Коротко я изложил хозяину то, для чего пришёл. Илларион выслушал меня терпеливо. Он ходил взад-вперёд по зале, оставив в стороне свои свитки. Наконец, я замолчал, окончив свой рассказ.

— Так это тебя я видел недавно в порту?

Илларион внимательно взглянул на меня. Я кивнул:

— Да, господин.

Он тяжело вздохнул:

— Я слышал о несчастье, постигшем бедного Агапия и о том, что два дня назад в порту Афин причаливали два корабля из Финикии. Жаль, что твой отец ещё ничего не знает об этом.

Он вновь взглянул на меня:

— Так ты хочешь выкупить у меня этого балбеса и бездельника Галактиона? — спросил он.

— Хочу, господин.

Илларион потёр руки.

— И что же ты мне можешь предложить, сын торговца Агапия?

Я назвал сумму. Из залы послышались аплодисменты, восхищённые возгласы присутствовавших на симпозионе гостей. Сапфо закончила читать свои поэмы.

— Кто же твой возлюбленный, о Сапфо? — раздалось в гуще аплодисментов.

— Сам Зевс, — был мудрый ответ, также, сопровождавшийся аплодисментами.

— А теперь вместо великой Сапфо девушки с Лесбоса будут танцевать. Итак, наполните искрящимся вином свои фиалы, господа.

Заиграла музыка, и ведущий симпозиона оратор Аристокл громко захлопал в ладоши в такт сертаки. Илларион улыбнулся, развёл руками.

— Честно говоря, за этого бездельника я не дал бы ни единой монеты. Но у меня есть свой принцип — ничего не отдавать даром, поэтому твоя сумма меня вполне устроит.

Я отсчитал положенное количество талантов и протянул мешочек с монетами Иллариону.

Он похлопал меня по плечу.

— Что ж, юноша, тебе нравится у меня?

— Нравится, господин. Как Вы догадались привести сюда самую Сапфо?

— Сапфо — символ нашей Греции, я слышал, её имя известно и в Азии; так что просчитаться было сложно.

Возвратившись к гостям, я увидел среди них Софокла уже с новой гетерой, он пришёл совсем недавно. На этот раз гетера была уже совсем другой — маленькой, и, если бы не груди, внешне она ничем не отличалась бы от мальчика. Но у неё было миленькое лицо.

— О, мой дорогой Дионис, какими судьбами ты здесь? — поприветствовал меня Софокл, затем взглянул на сопровождавшую меня Дорифору.

— Тебе понравилась моя протеже? — спросил он.

Дорифора нахмурилась, покраснела и растворилась среди гостей. Я понял, Софокл уже успел когда-то до меня провести ночь с нею.

— Прости, друг, я спешу; мне нужно удалиться, — произнёс я.

— Разве ты не останешься до утра до окончания торжества? Афины надолго запомнят этот вечер.

— Прости, друг, я действительно не склонен сегодня веселиться, — ответил я.

— А-а, понимаю. Я бы тоже не смог. Но верю, однажды мы, всё же, встретимся с тобой у какой-нибудь красотки. Поверь мне, афинские гетеры намного лучше, чем в остальных полисах.

— Верю, — согласился я.

Софокл был действительно знатоком женщин, хорошего вина и вполне гордился своими способностями.

В ту ночь я выполнил своё обещание перед Дорифорой и

провёл ночь в её доме. Под утро, когда на небе засияла уже Звезда Утра, я должен был расстаться с ней, она обняла меня на прощание.

— Когда же теперь увидимся с тобой? — спросила девушка.

Я пожал плечами, не зная, что ответить ей.

— Возможно, скоро я отправлюсь в чужую землю. Не знаю, как в дальнейшем сложится моя судьба, Дорифора. Прости меня, я не могу ответить на твоё чувство.

— У гетер тоже бывают чувства, — произнесла она, хотя все думают, что мы легкомысленны и готовы отдаться любому герою, кто купит нас, но это не так.

Затем, чуть помедлив, она прошептала:

— Я люблю тебя, Дионис, и всегда буду любить. У тебя благородное сердце, и счастлива та женщина, которая разделит с тобой судьбу.

Галактион в нетерпении дожидался меня внизу возле двух кипарисов, где уже стояла повозка. Ему было невдомёк, как любому мальчишке, ещё не вполне развившемуся, что мужчину может так долго держать рядом с женщиной. Его интерес к окружающему его миру перевешивал всё остальное.

— Дионис, я жду тебя! — крикнул он снизу и помахал мне рукой.

— Вот видишь, тебя зовут. — грустно сказала Дорифора и потупила взор, — скоро ты будешь в чужих землях, и я принесу Афине Парфенос жертву, чтобы сила всегда была

на твоей стороне.

— Благодарю тебя, я часто думаю о матери и хочу вернуть её.

— Я верю, что так и будет, мой бог.

Она вновь прильнула ко мне, и я даже чувствовал, слышал как билось в её груди сердце — билось во имя меня, а я ничего не испытывал к ней. Я чувствовал себя ничтожеством, и, тем не менее, всё время думал о Сахиб. О, не дай боги, если коварный Антэрос будет сопутствовать моей душе.

В ту ночь, проведённую с гетерой Дорифорой, я был страстен, как никогда, но это был лишь ответ плоти; моя душа оставалась равнодушной, она стремилась к персиянке Сахиб, такой холодной и гордой. Я заглянул в чистые, полные любви глаза Дорифоры и пожалел о том, что не могу остаться с нею ещё, я должен был идти, как было условлено с Галактионом.

Спустившись по ступенькам, я издалека посмотрел на стройную фигурку гетеры, ответил на её порыв, помахав рукой. Мне было грустно...очень грустно.

* * *

...Галактион почти сразу же освоился в доме — поначалу он следил за хозяйством до тех пор, пока я не призывал его к себе для серьёзного разговора.

— Послушай, друг, я выкупил тебя у твоего хозяина вовсе

не для того, чтобы ты был моим рабом.

Казалось, мальчишка был очень удивлён.

— Нет? А я думал...

— Многие люди думают, потому что у них есть мысли...,
— сказал я.

С тех пор Галактион жил в доме на правах моего друга, хотя он не сразу освоился и привык к своему новому положению.

— У меня нет дома, господин, — как-то раз произнёс Галактион, — поэтому мне некуда идти, разве что стать батраком какого-нибудь богача из Афин.

— Но есть и другой путь.

— Другой? Какой же?

— Мы отправимся с тобой в странствия в чужие земли.

— Ты хочешь найти свою мать?

— Да, это всё, что я сейчас больше всего хочу и о чём думаю целыми днями.

— А вот у меня нет матери, поэтому мне некого ждать, не на что надеяться, господин.

— Не называй меня «господином», ведь ты не раб мне.

— А как же твои родители отнесутся к моему необычному положению? — спросил Галактион.

— Сначала они были бы удивлены, а затем...затем признали бы твою свободу, потому что, они хотели бы, чтоб их сын был счастлив.

...Приближался Праздник Быков, и несколько раз прихо-

дили представители моей невесты, а в среду был сам Лавр — её отец.

— Как же насчёт свадьбы, господин? — спросил он, удивлённо поглядывая на пьющего молоко Галактиона, который непринуждённо сидел рядом и слушал наш разговор. Я рассказал Лавру об исчезновении моей матери и попросил перенести свадебные торжества. Афинянин понимающе закивал.

— Как ужасно, что все эти плохие события обрушились на ваш дом накануне свадьбы, — проговорил он.

— Несчастье не выбирает время, чтобы потревожить нас, — сказал я те слова, которые в своё время любил говорить мой учитель Фалес.

— Да, это так, — согласился Лавр, — Ваш отец ещё не вернулся, господин?

— Нет, я ожидаю его.

Он снова кивнул:

— Если нужна какая-то помощь, обращайтесь.

Мы расстались, я видел, что мой будущий свёкр ушёл недовольный. Но что я мог сделать?

Каждое утро я отправлял Галактиона на скалу, чтобы увидеть, не возвращаются ли корабли моего отца в бухту, и каждый день мой друг возвращался с отрицательным ответом. Приходилось ждать, хотя это ожидание и ничего неделание доставалось мне с большим трудом.

Глава 4. Финикия

*«Что же делать, буря не унимается,
Срывает Якорь
Яростью буйных сил,
Уж груз в пучину сброшен.
В схватке с глубио кипящей
Гребут, как могут.*

*Не уступая тяжким ударам волн
Не хочет больше с бурей бороться:
Он рад бы наскочить на камень
И погрузиться на
Дно пучины.*

*Такой довлеет жребий ему,
Друзья,
И я всем сердцем рад
Позабывать беду,
И с вами разделить веселье
И насладиться за чашей Вакха.*

*Тогда нас гибель
Ждёт неминуемо.
Безумец жалкий сам ослепит себя,
Не мы...»*

(Алкей, поэт 6–5 вв. до н. э.)

Отец приехал через неделю. Он ещё не знал, что моё ожидание превратилось для меня в настоящую муку. Сахиб хо-

дила молчаливой по саду, она выполняла свою работу медленно, и, как бы, нехотя. Пару раз я пытался остановить её, чтобы поговорить.

— Послушай, Сахиб, — произнёс я, — я не считаю тебя рабыней в этом доме и никогда не считал, поэтому я не хочу, чтобы ты работала, как рабыня.

Но она отдёргнула свою руку и зарыдала. До сих пор помню эти стоящие в глазах слёзы персиянки.

— Сахиб! Сахиб, что с тобой!

— Вы ездили в город, господин... Мне сказали, что Вы были там с одной гетерой.

— Но кто сказал тебе такое?

Она гордо вскинула голову, чёрные кудри вздрогнули.

— Не важно. Важно то, что Вы любите эту женщину.

Вдруг одна догадка поразила меня так, что я улыбнулся и притянул к себе худенькую фигурку девушки.

— Сахиб, ... Так ты...так ты любишь меня?

Она опустила голову, вырвалась из моих объятий и убежала. Больше я её не видел в тот день, только иногда мой взгляд останавливался на ней в чередѣ других рабынь. Она стала выполнять работу с ещё большей тщательностью, словно, наоборот, хотела быть рабыней, и это положение, будто, являлось её зарокѣм независимости...от меня.

Отец был весел и валился с ног. Раб Северий поднёс ему огромный фиал с вином, как и полагалось по заведённому в течение многих лет обычаю. Его команда в первые сутки

после возвращения оставалась у нас, затем странники разъезжались по своим домам, чтобы затем встретиться вновь в следующем сезоне, и так длилось из года в год. Его самый близкий друг Виссарион похлопал отца по плечу.

— Ну, вот, Агапий, мы и дома.

Он взглянул на статую Посейдона в саду, ухмыльнулся.

— В Индии я видел изображение Шивы, и у него тоже трезубец, как и у нашего Посейдона. Только Шива — это бог разрушения, уничтожающий материальное творение в своём неистовом танце, а Посейдон — владыка морей и океанов. Где же твоя жена Афина? Почему на этот раз она нас не встречает, как обычно?

Отец рассеянно посмотрел на меня, испил вино и протянул мне обратно пустой фиал.

— А в самом деле, где же твоя мать Афина? Почему она не вышла встретить меня и мою команду? — спросил отец.

— Отец, здесь у нас многое изменилось за то время, пока ты был в пути со своей командой, — сказал я.

— Что ты имеешь в виду, сынок? И почему у тебя такой рассеянный вид? Неужто Хариты не предупредили тебя о том, что я возвращаюсь из дальних странствий? Кстати, у нас удачная поездка: мы привезли много пряностей и ковров. Но... расскажи, Дионис, что же всё-таки произошло?

Гостей проводили в пиршественную залу, а мы с отцом уединились вглубь сада.

Я не знал, с чего начать, но затем рассказал всё, что слу-

чилось в течение всех этих дней. Отец слушал терпеливо и молча, но по его глазам я видел, как буря эмоций всплывала в его сердце подобно бушующему океану. Наконец, я замолчал, отец сел на скамью возле фонтана; он казался задумчивым, затем вдруг схватился за голову.

— И...и что же теперь, Дионис? Где же твоя мать? Кому она продана в рабство?

— Я ждал тебя, отец, мы отправимся в Финикию, мы пойдём на все невольничьи рынки и разузнаем всё о ней.

Он с яростью стукнул кулаком по скамье, глаза его налились кровью.

— Нет! Я не позволю, чтобы она стала рабыней. Афина всегда была той женщиной, которой поклонялись прославленные воины, с неё лепили статуи.

— Ты никогда не говорил мне об этом раньше.

— Я всегда хотел, чтобы дети гордились своей матерью.

— Я горжусь и гордился, — сказал я.

Он тяжело вздохнул:

— Хорошо, я поручу своим ребятам распродать товар, и мы поедем через день на рассвете.

Мы смотрели друг на друга, будто, видели впервые друг друга; отец потрепал мои волосы, как делал всегда, когда я был ещё ребёнком. Каждое утро он таким образом прощался со мной, чтобы затем покинуть берега благословенной Греции.

— Ты уже совсем взрослым стал, Дионис, и развит не по

годам. Однажды ты даже мог участвовать в Олимпийских Играх.

Я улыбнулся:

— Придёт время, отец, придёт время, и я ещё возьму несколько побед.

Мы обнялись с отцом:

— Только на тебя у меня надежда, только на тебя, сынок.

Он смахнул слезу так поспешно, чтобы я не заметил его слабости.

— Мы, ведь, найдём мою Афины? Скажи, Дионис, мы, ведь, найдём твою мать?

— Я обещаю тебе, отец; я сделаю всё, чтобы разыскать её.

Если б не зов Галактиона, мы с отцом так и просидели бы, обнявшись.

— Эй, Дионис, все собрались в пиршественной зале! Все ждут вас! — воскликнул он.

Отец с удивлением уставился на мальчишку:

— Кто это?

— Мой друг, недавно я выкупил его, и теперь он свободен, — объяснил я.

— Выкупил?

— Не сердись, отец, я ненавижу рабство, и не хочу, чтобы мой друг был рабом.

— Но твой друг слишком молод, — произнёс отец, внимательно рассмотрев Галактиона.

— Он тоже отправится с нами, отец.

— Почему? Разве плохо жить в Греции и быть свободным?

— Нет, но Галактион — особенный человек. Его сердце жаждет свободы.

В тот вечер за столом, где возлежали торговцы, было выпито много заздравных кубков в честь богов Парнаса и Олимпа; одна из рабынь играла на кифаре, и эта жалобная мелодия наводила на грусть и тоску.

Часть спутников отца, что не имели ещё семей и были свободны, как ветер, пожелали отправиться с нами в Финикию.

— Пусть будет славен Зевс!

— Пусть сопутствует нам Афина Парфенос и даст силу и воинскую доблесть!

— Если придётся сражаться, мы готовы отдать жизнь за тебя, Агапий!

Они возлежали на своих ложах и пили вино, рабыни уставляли стол множеством яств, но я не хотел есть. Уединившись у себя, я наблюдал за игрой воды в пасти рыбы; этот фонтан мне всегда нравился, он успокаивал, но только не сейчас.

Сегодня я только осознал, что мне предстоит покинуть берег Греции и устремиться в неизвестность..., чтобы не видеть Сахиб, не слышать её голоса и тихих шагов по дому. Я отвлёкся от собственных мыслей, почувствовав чьё-то присутствие в зале. Я оглянулся. Это была Сахиб, она, молча, стояла возле стены с барельефами богов и смотрела на меня.

Я слышал её дыхание и понял, моё волнение могло передаваться и ей.

— Сахиб?

Она непринуждённо присела рядом со мною. Лицо её было печально, как у самой Ники губы подрагивали от волнения, я заглянул в её глаза.

— Сахиб, тебе тоже одиноко в этом доме, как и мне? — спросил я.

Она кивнула:

— Да, господин, все сейчас веселятся и даже Ваш новый друг, но...я слышала, через день Вы отправляетесь в далёкую Финикию, чтобы найти хозяйку.

— Да, Сахиб, мы хотим выволить её из рабства.

Неожиданно для меня она положила голову на моё плечо. Я обнял её крепче, немного растерявшись, затем притянул ближе, чтобы ещё раз посмотреть в эти прекрасные, как бездонное ночное небо, глаза.

— Вы уезжаете, господин, а я не знаю того, смогу ли я снова увидеть Вас.

— Я вернусь, Сахиб, я обязательно вернусь...к тебе.

— Скоро Ваша свадьба, да и потом, путь полон опасностей, и немногие возвращались обратно.

Неожиданно желание вновь возобладало во мне, я покрыл её прекрасное тело поцелуями, на этот раз она не сопротивлялась. В ту ночь я был близок с Сахиб, а она, словно, сама хотела и жаждала этого; её неопытность в отличие от До-

рифоры лишь сильнее разожгла во мне страсть; оковы были сброшены, и теперь я мог свободно проявлять к ней свои чувства. Мы оба были свободными по отношению друг к другу, и именно тогда я осознал, как сильно я люблю её.

Мы совсем не заметили, как пролетело время, уж близилось утро. Сахиб мимолётно улыбнулась мне, однако затем вдруг её лицо стало печальным. Она одевала свой розовый химатион, цвет которого лишь сильнее подчёркивал нежность её губ, подобных лепесткам розы — слишком банальное сравнение, однако оно, как нельзя лучше соответствовало истине. Видя мой пристальный взгляд, девушка немного смутилась.

— Сахиб, — я крепче обнял её и притянул к себе, будто, думал, что волшебное мгновение вот-вот исчезнет, растворившись в Небытии, — Сахиб, пообещай мне, что дождёшься меня, хоть ты и говоришь, что немногие возвращаются.

Она всё ещё была смущена. Прозрачные слезинки скатились по её щекам. Я слегка встряхнул девушку, желая вывести её из той глубокой задумчивости и смущения, в котором она до сих пор пребывала.

— Пообещай мне, что не покинешь поместье, не уйдёшь отсюда в поисках своей судьбы.

— Как я могу, ведь я же — рабыня.

— Нет, Сахиб, ты больше не рабыня. Я...я отныне освобождаю тебя. Быть может, тебя манит твоя родина? Ты вправе вернуться обратно, опустошив моё сердце.

— Нет, господин, я не жажду возвращения в Персию. Там меня ожидает рабство или судьба наложницы.

— Тогда почему ты так грустна и отрешённа? — спросил я.

— Вы скоро женитесь на госпоже Клавдии, что живёт в Афинах. Я видела её, когда они приезжали сюда... Эта девушка очень красива именно тою красотою, какой восхищаются ваши скульпторы.

Я пригладил её иссиня-чёрные завитки волос, покрывавшие стройные плечи; талию. Персиянки редко бывают кудрявыми, в отличие от нас, греков, однако даже среди них встречается эта особенность.

— Но ты красивее, Сахиб. И потом, я люблю тебя не за твою красоту, я люблю тебя, Сахиб.

— А как же Ваша возлюбленная гетера из Афин, которой восхищаются многие и посвящают ей свои поэмы?

Сахиб покраснела, женщины часто краснеют, когда испытывают ревность.

— Ты о той гетере, что ублажает многих, кто заплатит за неё? — спросил я, вспомнив горящую страсть в глазах гетеры.

Как они были непохожи друг на друга — спокойная гордость одной и огненная натура другой. Рай и Ад. О, боги, можно ли выдержать это?!

— Сахиб, я тоже посвятил тебе свою поэму.

— Это правда, господин?

— Да.

— Тогда прочтите её, ещё никогда и никто не посвящал мне стихов. Или Вы считаете меня распутной?

— Почему ты так говоришь?

— Потому что лишь распутным женщинам поэты посвящают свои стихи.

— Но это не так. Разве моя мать распутна? А между тем великие мастера изображали её в мраморе, как одну из прекрасных богинь Олимпа.

— Вы имеете в виду Афродиту? Разве она — не распутница?

— Мы, греки, тем и отличаемся от остальных народов мира, что видим красоту там, где другие считают это развратом. Эрот — бог любви для нас, и в её радостях мы видим наслаждение. Поэтому мы свободны, а не закрепощены своими предрассудками, как персы.

Девушка улыбнулась, и на её очаровательных юных щеках заиграли ямочки. Я налил ей немного вина и пригубил сам.

...О, чашу пенную налей,
Моя Сирена,
Чтобы испить её
До дна, до дна,
Ты так прекрасна и блаженна,
В любовь богов
Заключена.

Не можешь вырваться оттуда,
Как из объятий своих снов,
Весь Океан из изумруда,
В объятиях мелких островов.

Так же и ты в моих объятиях,
И засыпаешь, и встаёшь,
И в розовости своих платьев
Рассвету песнь свою
Поёшь.

О, ты, прекрасна Нереида,
Не исчезай, не исчезай,
Ты, как прекрасная Киприда,
Меня в объятия заключай...

Я умолк, маленькие струйки фонтанчиков продолжали изрыгаться из пасти рыбы и исчезать в глубине бассейна.

Наутро, когда Солнце едва осветило земли Греции, мы отплыли. Я простился с Сахиб. Я заметил, после той ночи она стала какой-то молчаливой, смущённой и застенчивой и вопреки всему искала уединения. Я обнял её, она потупила взгляд и инстинктивно положила свою кудрявую головку на моё сильное плечо. Если б можно было так стоять вечно... Если б мы превратились в мрамор, и отныне путеше-

ственники, отправляясь в дальние странствия, видели бы в бухте два обнявшиеся божества, как напутствие им.

Своим видом мы бы напоминали им, что ничего не может быть выше любви, что лишь она одна даёт силу и желание бороться с несправедливостями и опасностями этого мира.

Отец и всё, что осталось от его команды поднимались на борт корабля; второй корабль должен был остаться здесь в этой бухте до следующего плавания за пряностями. Как было условлено, я должен был отправиться вместе с отцом с торговой миссией.

Я видел, как отец нетерпеливо пожал плечами и махнул мне рукой. Такие тёплые отношения между хозяином и его рабыней вызвали в нём удивление.

— Дионис, поднимайся на борт!

Галактион потрубил в свой рог; причём, он сделал это с большим удовольствием. Этот сигнал обозначал отплытие, не хватало лишь мамы, которая каждый день приходила бы к скале, чтобы видеть вход в бухту и взирать вдаль с надеждой, появятся или нет торговые корабли отца.

Мы смотрели в глаза друг друга, и я чувствовал, что медленно растворяюсь в глубоком бездонном взгляде персиянки.

— Сахиб, будешь ли ты ждать меня? — с надеждой в голосе спросил я, — будешь ли ждать, несмотря на то что тебе покажется, что пройдёт много времени?

— Буду, — ответила девушка.

Лёгкая, как пушинка, беззащитная с тонкой талией и широкими бёдрами, она была вся здесь передо мною. Я подавил своё желание и крепче обнял девушку.

— Я обязательно вернусь к тебе, Сахиб, я вернусь, чтобы мы всегда были вместе.

Две маленькие слезинки, словно, жемчужины, упали на камни.

— Господин, Вы вернётесь в Ваше поместье, чтобы затем жениться на Клаудии из Афин, — горько произнесла она своим грудным пронизывающим насквозь голосом, которым я всегда так восхищался, — и, если это случится, бедная Сахиб навсегда покинет ваше поместье, господин. Праздник Быков уже приближается.

— Обещаю тебе, Сахиб, этого никогда не произойдёт, я никогда не женюсь на Клаудии.

— Но тогда Ваши родители проклянут Вас.

— Нет, они поймут, что мы любим друг друга. Они позволят мне освободить тебя, чтобы с благословения Великого Зевса воссоединить наши судьбы.

— У меня другие боги, господин, которым я поклоняюсь и поклонялась с рождения, как это делали мои родители ещё там в окрестностях Персеполя.

— В каких же богов ты веруешь, Сахиб? — спросил я, погладив завитки её волос.

— Имя моего бога — Ахурамазда, а религия моя — зороастризм. Я поклоняюсь огню, как и мои далёкие предки.

Рог протрубил во второй раз, третий сигнал означал отплытие. Отец и Галактион помахали мне с корабля.

— Эй, Дионис, заканчивай целоваться с рабыней и поднимайся к нам!

Сахиб опустила глаза и, прильнув ко мне в последний раз, вдруг резко убежала, чтобы скрыться в зарослях кипариса. Свежий ветер ударил мне в лицо, когда мы отплывали от берегов милой Эллады, глазами я пытался разыскать Сахиб в глубине сада, но не увидел её. Лишь воспоминания оставались у меня от неё. Я думал о ночи любви, проведённой накануне отъезда, о её несмелых ласках и шёпоте, когда она обращалась к своим богам. Невидимые слёзы стояли в моих глазах. Как бы я хотел взять с собой Сахиб, но разве мог я подвергать её опасностям?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.